

ISSN № 1727-4893

Библиотечное

ДТЛЮ

www.bibliograf.ru

№ 17 (154)'11

Библиотечный
гуманизм

МАРИЯ ЧЕРНЯК

**«ЧЕЛОВЕК ХОРОШ,
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПЛОХИ»**

КРИЗИС ГУМАНИЗМА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

2

АРКАДИЙ СОКОЛОВ

БИБЛИОТЕЧНЫЙ ГУМАНИЗМ

И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ МИССИЯ БИБЛИОТЕК

В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

8

СЕРГЕЙ БАСОВ

ГУМАНИЗМ:

В ПОИСКАХ БЕЗУПРЕЧНОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ

16

ИРИНА ТИХОМИРОВА

**НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКИХ БИБЛИОТЕК**

ИЛИ ГУМАННО МЫСЛИТЬ НАУЧИТЬ

20

ТЕРЕЗА БРАЖЕ

ГУМАНИЗМ

В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

КАК ПРОТИВОВЕС АГРЕССИВНОСТИ

И НРАВСТВЕННОМУ УТИЛИТАРИЗМУ ЛИЧНОСТИ

24

ТАТЬЯНА КОРОБКИНА

НЕ ДАЙ ВАМ БОГ...

ОБРАЗ КНИГИ, БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОТЕКАРЯ

В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ

29

ВЛАДИСЛАВ СКИТНЕВСКИЙ

ЗОВ БЫТИЯ

ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ ЧИТАТЕЛЯ

35

ГАЛИНА МАКСИМОВА

С БЕРЕГОВ ВОЛГИ

НА БРЕГА НЕВЫ

39

ГАЛИНА ГУРЬЕВА

ОТВЕЧАЯ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

ЛИЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАЖДОГО

43

Издатель: Член РБА
ООО «Агентство Информ-Планета»
Главный редактор
Татьяна Филиппова
Директор
Мария Ковалёва
Выпускающий редактор
Мария Фармаковская
Литературный редактор
Яна Михневич
Дизайн и верстка
Андрей Филиппов

Представительство в Москве:
Ответственный редактор
Слава Матлина

Подписка:
по Каталогу Роспечати
индекс **81774**,
по каталогу Почта России
индекс **63482**

Для писем: 191119, СПб., а/я 133
Тел./факс: (812) 764-3380, 764-1580.
Тел.: 764-7526, 764-6513.
(499) 163-4942.
E-mail: bibliograf@inbox.ru
info@bibliograf.ru
matlina@mail.ru

www.bibliograf.ru

Издание зарегистрировано
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещанию и средствам массовой
коммуникации ПИ №77-13082 от 15. 07. 2002
Учредитель: Татьяна Филиппова
ISSN № 1727-4893

Мнение редакции по тем или иным вопросам
может не совпадать с мнениями авторов.
Редакция не несет ответственности за содер-
жание рекламных материалов.
Никакая часть данного издания не может
быть воспроизведена в какой бы то ни было
форме без разрешения редакции.

Адрес редакции:
191040, СПб., Лиговский пр., 56, «Г» оф. 205-207.

Отпечатано в типографии ООО «Цветпринт»
191119, С.-Петербург, ул. Роменская, д. 10, лит. К
Тираж 8000 экз.

1 стр. обложки: Квентин Массейс.
Меняла с женой. 1514 г.

© «Библиотечное Дело», 2011

Памятник гуманизму

*Гуманизм есть, во-первых,
типичное для Ренессанса свободомыслящее сознание
и вполне светский индивидуализм.*
А. Ф. Посев

ЕЩЁ В СЕРЕДИНЕ XV века во Франции появилась первая Гуманистическая библиотека, когда по инициативе приходского священника в городе Силесе, что близ Эльзаса, была организована одна из известнейших Латинских школ, где исповедывались идеи Рейнского гуманизма. Это были времена открытия человеческой индивидуальности. Под «человеческим» гуманисты стали понимать совокупность качеств (*humanitas*), требующих специальной тренировки по их формированию. Среди них: изысканность вкуса, красота языковых форм и речи, утончённое отношение к жизни, способность вызывать ответную симпатию, а также яркая эстетическая направленность в понимании человеческого. Возрожденческий гуманизм есть в первую очередь эстетический феномен. Гуманизм в русской традиции чаще ассоциируется не с эстетической, а нравственно-этической направленностью. Отечественная традиция трактует гуманизм в смысле защиты слабых, милосердия и сострадания. Эпоха Великого Возрождения прямо или косвенно, сразу или через несколько столетий сказала на культуре и жизненном укладе всех народов мира, потому что именно ренессансный дух — индивидуальной свободы, смелого познания, интеллектуальной ненасытности, преклонения перед античной, прежде всего эллинистическо-римской всемирностью, — позволила европейцам занять политическую, культурную и экономическую гегемонию во всём мире.

Студентов Латинской школы с каждым годом становилось всё больше, им необходимы были книги, которые тогда были редки и дороги. Школе нужна была библиотека, и её основу заложил Иоганн фон Везус, подарив ей тридцать древних рукописей и не подозревая при этом, что он стал основателем одной из самых престижных библиотек в западном мире.

Далее последовали дары от других известных гуманистов того времени, которые безвозмездно передавали ей бесценные книги и рукописи гуманистического содержания.

Библиотека школы располагалась на втором этаже часовни на южной стороне приходской церкви. Книги размещались на столах или на кафедрах. Многие из них были прикованы цепями, чтобы защитить их от кражи. Новая жизнь коллекции началась после того, как в неё влилась частная библиотека Беатуса Ренануса — гуманиста и религиозного реформатора XVI в., друга и сподвижника Эразма Роттердамского, выпускника этой известной Латинской школы. Вскоре ей предоставили новое помещение бывшего зернового амбара, и сегодня Гуманистическая библиотека — единственное в Европе собрание книг, которое никогда не было разделено. Часть его является личной коллекцией Беатуса Ренануса. Это одна из крупнейших коллекций подобного рода, сохранившихся во Франции. В Библиотеке выставлены манускрипты, восходящие к VII веку, бесценные работы первопечатников, книги XVI века.

В этом году Гуманистическая библиотека была включена в программу ЮНЕСКО «Память мира», как объект особо ценного культурного наследия.

*С любовью, Татьяна Филиппова,
главный редактор журнала «Библиотечное Дело»*

МАРИЯ ЧЕРНЯК

«Человек хорош, обстоятельства плохи»

Кризис гуманизма в эпоху постмодерна

В прозе нового века стремительно появляются новые имена; на наших глазах рождается новое поколение писателей, для которых проблема гуманистических ценностей и антигуманистических тенденций приобретает особое звучание.

Мария Александровна Черняк, профессор кафедры новейшей русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, Санкт-Петербург

«**Б**ЫВАЮТ ЭПОХИ, которые говорят, что им нет дела до человека, что его нужно использовать, как кирпич, как цемент, что из него нужно строить, а не для него. Социальная архитектура измеряется масштабом человека»¹ — писал О. Мандельштам в 1923 году. Спустя почти 90 лет эта мысль приобретает особую актуальность. Само понятие гуманизма как этического принципа культуры эволюционировало и развивалось вместе с развитием научного способа познания мира. Особую остроту вопрос о социокультурном статусе гуманизма приобрёл на рубеже тысячелетий. Интересно, что если большинство теоретиков гуманизма считают его наиболее ярким глобальным феноменом современной мировой культуры и говорят о гуманизме как о некоей парадигме культуры III тысячелетия, то культурологи и литературоведы, напротив, фиксируют «антигуманистический» тип современной культуры. В этом противоречии — ещё один парадокс и черта нашего полифонического социокультурного пространства. Писатель В. Ерофеев остроумно предлагал поставить к русской литературе в качестве эпиграфа знаменитую фразу Базарова из тургеневского романа «Отцы и дети»: «Человек хорош, обстоятельства плохи».²

Любой рубеж веков пытается найти ответ на вопрос, каким будет герой нового века, какие коррективы внесёт новое время, новое мышление в человеческий тип. На рубеже XX-XXI веков стремительно изменялась жизнь, а вместе с нею, безусловно, и мировоззрение человека. «Маленький человек», «лиш-

ний человек», «нигилист» и другие традиционные типы героев классической литературы трансформируются в прозе современных писателей. Хотя процесс этот начался значительно раньше. С середины 1970-х годов началась, по мнению В. Ерофеева, «эра невиданных доселе сомнений не только в новом человеке, но и в человеке вообще».³

Впервые против русской литературы, против её гуманизма и проповедничества выступил В. Шаламов, утверждая, что «в новой прозе, — после Хирсими, после самообслуживания в Освенциме и Серпантинной на Кольме, после войн и революций — всё дидактическое отвергается. Искусство лишено права на проповедь. Никто никого учить не может, не имеет права учить. Искусство не облагораживает, не улучшает людей. Искусство — способ жить, но не способ познания жизни... Новая проза — само событие, бой, а не его описание...» Отвергая всю русскую классическую литературу, Шаламов писал: «Крах её гуманистических идей, историческое преступление, приведшее к сталинским лагерям, к печам Освенцима, — старался Шаламов высказаться без недомолвок, — доказали, что искусство и литература — нуль...» Такая принципиальная позиция, естественно, повлияла и на авторскую стратегию писателя. «Компрометация человека достигает у Шаламова апогея, и не случайно, конечно, роман и человек гибнут синхронно. Роман знаменовал разложение эпической формы, стадию приближения к индивидуализму, — справедливо замечает критик М. Золотоносов. — Проза Шаламова показывает утрату индивидуума — вследствие чего сво-

рачивается в трубочку и роман. Человек становится марионеткой “биологии” и социальных сил, играющих им. То есть упрощается жизнь — упрощается и литературная форма. Нет финалов с моральями — нельзя учить; нет героев и героики. Всё бессмысленно и ничем не кончается: “Разумного основания у жизни нет — вот что доказывает наше время.” Жизнь просто длится». ⁴

Критиком современного гуманистического антропоцентризма был и А. И. Солженицын. Писатель, не являясь ортодоксальным антигуманистом, предлагал свой вариант гуманизма, характерными чертами которого, являются теоцентричность, моральность, национальность и самоограничение. По А. И. Солженицыну, человек должен сам ограничить свои свободы и понять, что он не центр универсума. Он обязан признавать права Бога, права общества, наконец, права других людей, а также признать свои обязанности по отношению к ним. Однако сначала человек должен покаяться, признать свои грехи, духовно очиститься — и лишь после этого занять своё скромное место в универсуме. Только в этом случае проблема гуманизма перестанет быть самой проблемой. Только в этом случае, по А. И. Солженицыну, гуманистический характер социальных теорий совпадёт с гуманистическим характером социальной практики. И тем самым превратится из утопии в реальность.

Новый герой — «человек страшный»

Граждане!

*Сегодня рухнет тысячелетнее
«Прежде»!*

*Сегодня пересматривается миров
основа.*

Сегодня

*До последней пуговицы в одежде
Жизнь переделаем снова, —*

писал В. Маяковский в 1917 году. Эти слова приобрели особую актуальность в конце 1980-х годов, когда стремительно происходила смена нравственных координат, что, безусловно, не могло не сказаться и на типе героя новейшей литературы. В это время возникает феномен литературы «чернухи», о котором критики Н. Лейдерман и М. Липовецкий пишут так: «В отличие от литературы XIX века, “чернуха” конца 1980-х годов показала народный мир как concentra-

цию социального ужаса, принятого за бытовую норму. Самым непосредственным воплощением темы социального ужаса стал в этой прозе мотив насилия. “Чернуха”, казалось бы, сосредоточила своё внимание на жертвах войны за выживание, выброшенных из нормальной жизни — хануриках, опойках, бомжах, раздавленных “дедовичиной” солдатиках, зэках. На самом деле, оказывается, что «на дне» эта война продолжается ещё в более жестоких и более обнажённых формах — поскольку здесь потеря достоинства, куска хлеба или угла равнозначна буквальной, а не метафорической гибели».⁶

Эта личность мне знакома! Знак допроса вместо тела.

Многоточие шинели. Вместо мозга — запятая.

Вместо горла — тёмный вечер. Вместо буркала — знак деления.

Вот и вышел человек, представитель населения, — так своеобразно рисует портрет нового человека И. Бродский в стихотворении «Представление» (1986).

Писатели всегда стремятся поднять вопросы, затрагивающие фундаментальные категории человеческого и социального бытия. В современной литературе (и отечественной, и западной) принципиальной становится проблема нравственной деградации человека и тотальной технизации мира. Писателей волнует вопрос о том, как соотносить инновации в науке, социальной жизни и культуре, с теми абсолютными ценностями, которые подвергаются ревизии в современном глобальном мире, и, таким образом теряют свою универсальность.

Об этом процессе пишет Д. Быков: «Высшие духовные практики уничтожены, срезаны, как верхний слой почвы. Социум проваливается в архаические, этажом ниже. А поскольку процесс этот в России происходит регулярно — примерно каждые сто лет, с разной степенью интенсивности, — и возрождение надстройки всегда идёт медленней, чем её разрушение, то главным законом жизни социума становится стадийная деградация <...> В семнадцатом, разрушив христианство, общество провалилось в магию, а в восемьдесят пятом оно разрушило ещё и магию, провалившись в первобытные страхи, в детство, в синдром навязчивых состояний».⁷

Причина этого падения точно объяснена В. Пелевиным в его «Зомбификации»: «Бульдозер оказался в могиле. Ни бульдозерист, ни авторы вдохновивших его брошюр не учли, что, когда они сметут всё, что, по их мнению, устарело, обнажится то, что было под этим, то есть нечто куда более древнее. Психика человека точно так же имеет множество культурных слоёв. Если срезать верхний слой психической культуры, обжавив его набором предрассудков, заблуждений и классово чуждых точек зрения, обнажится тёмное бессознательное с остатками существовавших раньше психических образований. Психический котлован, вырытый в душах с целью строительства “нового человека” на месте неподходящего старого, привёл к оживлению огромного числа архаичных психоформ и их остатков, относящихся к разным способам виденья мира и эпохам; эти древности, чуть припудренные смесью политэкономии, убогой философии и прошлого утопизма, и заняли место разрушенной картины мира». Глубину этого «психического котлована» и стремятся измерить писатели конца XX–начала XXI века.

В контексте споров о современном гуманизме и антигуманизме нельзя не вспомнить Ю. Мамлеева, писателя, занимающего особое место в современном литературном процессе. «Его повествователь начинает с самоопределения, заимствованного у “подпольного” человека Достоевского: “Поганенький я всё-таки человечешко”», — считает В. Ерофеев.⁸ Проза Мамлеева само-

бытна и чрезвычайно специфична. Художественный мир его произведений населён по преимуществу людьми с глубоко деформированной психикой. Его герои кажутся монстрами *«именно потому, что они перешли границу возможного, они носители тайных сил в глубине каждого из нас»*. Писатель, по собственному признанию, стремится показать *«насколько может быть страшен и необычен человек»*. Он описывает исключительных людей в исключительных ситуациях, используя знание психиатрии. Однако, *«все эти описания были лишь средством для показа крайних, скрытых сторон человеческой души, трагедии бытия, исканий метафизически неизвестного»*.⁹ То, что так явно и младенчески простодушно обнажено в поступках и мыслях людей с травмированной психикой, подчас глубоко таится в душе нормального, более защищённого человека. Герои Мамлеева, не только искатели (как было сказано ранее), но и изгой, свихнувшиеся на пути к истине. В самих себе герои угадывают загадочную субстанцию. Абсурдность мамлеевского мира в том, что граница смерти в нём стёрта: мертвецы и живые люди сосуществуют. Более того, непонятно, где по-настоящему реальный мир: «здесь» или «там».

Автор, как жонглёр, играет со словами: «кладбище», «могила», «гроб», «покойник», «мертвец», «труп». В прозе Мамлеева они теряют свою изначальную семантику и приобретают совсем иной смысл. Писатель нарушает вековое «табу» и вместе с читателем, преодолевая страх, прикасается к смерти как к миру, находящемуся по соседству с жизнью. «Ужасная реальность» прозы Мамлеева — это обычная реальность обычной жизни. Просто люди не замечают этой реальности. Они закрывают глаза на самые ужасные проявления жизни. Персонажи Мамлеева живут в «чёрных, коммунальных квартирах», «сумасшедших квартирках», в «десятиметровых комнатухах», в «комнатухах-пещерах». «Чёрное зеркало» Ю. Мамлеева вызывает естественные ассоциации с «Чёрным квадратом» К. Малевича. Мамлеевское зеркало оказывается «проекцией» «Я» героя. Сущность его глубинного «Я» так же непознаваема, как чёрное зеркало. Сам Мамлеев в предисловии к сборнику рассказов «Вечный дом» говорит: «Я не

изображал “типичных людей”, “среднего человека” и т. д., наоборот, я обычно описывал исключительных людей в исключительных ситуациях... Все эти описания были лишь средством для показа крайних, скрытых сторон человеческой души, трагедии бытия, исканий метафизически неизвестного».

Бегство в зазеркалье

На изменение генетического кода героя прозы 1990-х повлияло не только упрощение современной культуры, но и то, что человек, перестав уютно ощущать себя в реальном мире, пытается найти ему альтернативу в мире компьютерной игры, кинематографе, Интернете.

Путь в никуда предлагает своим героям Виктор Пелевин, ставший одним из самых заметных писателей-постмодернистов. Чапаев в его романе «Чапаев и Пустота» учит Петьку: *«Всё, что мы видим, находится в нашем сознании, Петька. Поэтому сказать, что наше сознание находится где-то, нельзя. Мы находимся нигде просто потому, что нет такого места, про которое можно было бы сказать, что мы в нём находимся. Вот поэтому мы нигде»*. Основная идея Пелевина — уход в параллельный мир, параллельную реальность. *«Мысль Пелевина заключается в том, что если дверь закрыта, надо воспользоваться иным выходом: даже не в окно, а сквозь стену. Это не бегство, а напротив - прорыв, разрушение наскучившей баррикады, прорубание окна, но не в Европу, а из неё»*.¹⁰

«В нашей последней литературе за предел сродни равнодушию» (выделено мной. — М. Ч.) — настолько всё равно за пределами в этом невозможнейшем из миров», — размышляет о тенденциях современной культуры М. Эпштейн. *«Лишние люди, ещё недавно гордые своей непричастностью, обособленностью от всего, разделили это свойство с окружающим миром — и растворились в нём. Сомнамбулизм — последняя фаза развития этого типа. Сомнамбулы — едва ли не преобладающие персонажи последней литературы: лица, не успевшие ничего совершить и обдумать, сразу же тонущие в апокалиптическом тумане»*.¹¹ *«От нас осталась только видимость нас»*, — пишет писательница Валерия Нарбикова в повести с говорящим названием «Видимость нас».

Мир зазеркалья, перевёртышей, подмен и симулякров современного антигуманного мира представлен в повести постмодерниста Владимира Тучкова «Смерть приходит по Интернету». Заглавие, нарочито отсылающее к массовой литературе, — лишь постмодернистская игра. Тучков, рассказывая о *«девяти безнаказанных преступлениях, которые были тайно совершены в домах новых русских банкиров»*, из девяти картинок, как из пазла, безжалостно создаёт портрет нового человека, живущего в новых условиях, когда человеческая жизнь перестаёт быть ценностью, писатель нащупывает черты новой ментальности. Так, в главке «Могила неизвестной матери» Татьяна, жена богатого Алексея, не хотела жить светской жизнью, её влекла к себе природа. *«Лес был для Татьяны антиподом всего этого»* (светского. — М. Ч.) — **безжизненного**. Алексея раздражала абсолютная отдалённость Татьяны от семьи, при очередной ссоре он случайно убивает её. Выход из сложившейся ситуации он находит быстро: *«Ответ был прост и прозрачен, как пустой стакан. Необходимо найти внешне неотличимую от Татьяны женщину и сделать её Татьяной. Вне всякого сомнения, сын, занятый лишь своими подростковыми проблемами, не заметит перестановки. Тут же был вызван начальник охраны, с которым до мельчайших подробностей был разработан план рокировки... Новая Татьяна не должна иметь про-*

шлого». Новая Татьяна была похожа на прежнюю, лишь любовь её к природе заметно поостыла. Однако Алексей узнал, что, встречаясь с охранником, лжеТатьяна разрабатывает план, как можно закрепиться на этой «работе», — родить хозяину ребёнка. Татьяну убили во второй раз. Ну, а потом нашли новую Татьяну.

В главе «Два брата» конфликт развивается между братьями богатого финансиста. Младший Стив понимает, что наследство отца перейдёт старшему Роберту. Мальчик сознательно культивирует в себе ненависть к брату для того, чтобы его убить. Не один год он готовил убийство («созерцание смерти столь же упоительно, как и игра “DOOM-2”»), в конце концов топил брата в ванной («Энергично сжал и разжал кулаки, включив в себе механизм автоматического убийцы»). «Несмотря на свои 12 лет, Стив мудро подумал о том, что каждый человек, который стремится занять в жизни достойное место, должен когда-нибудь **сделать это**. Иначе нельзя. Иначе не станешь таким, как отец. Ведь отец был **первым**, что гораздо труднее, чем быть достойным наследником. А отец всё это уж тем более знал. Именно поэтому он мудро и искусно разжигал в детях соперничество, чтобы остался сильнейший. Ведь его империя была задумана и построена на долгие годы».

Проза В. Тучкова подтверждает слова писателя Виктора Ерофеева, высказанные им в предисловии к сборнику «Русские цветы зла»: «Литература конца века исчерпала коллективистские возможности. <...> С середины 70-х годов началась эра невиданных доселе сомнений не только в **новом человеке**, но и в человеке вообще. На место психологической прозы приходит психопатологическая».¹²

Торжество ненастоящести

В прозе нового века стремительно появляются новые имена; на наших глазах рождается новое поколение писателей, для которых проблема гуманистических ценностей и антигуманистических тенденций приобретает особое звучание. Так, особый взгляд на сегодняшний день и новое поколение представлен в романе С. Минаева «Duxless. Повесть о ненастоящем человеке». Со-

временная Москва с её дорогими ресторанами, модными презентациями, корпоративными вечеринками представлена как зона, срок заключения в которой неизвестен, потому что сам человек выбрал этот путь: «*Единственный вопрос, который тебя иногда мучает: кто тот самый начальник зоны, который всем этим управляет? Кто движет процессами и выбирает героев, которым нужно подражать? Иногда ты приходишь к выводу, что этот начальник — ты сам. Каждый сам выбирает себе героев и является начальником*».

Рассказчик, тридцатилетний менеджер высшего звена во французской фирме, знает, что ведёт, по его мнению, неправильную жизнь, но ищет тех, кто

живёт среди этой пошлости духовно, а не проматывает свою жизнь в ежедневной погоне за развлечениями. Он кружит в поисках истины по модным клубам, ресторанам, ищет новых героев то в Петербурге, то в Москве, то в политике, то в бизнесе и, конечно, не находит. Называя гламурные персоны мумиями, герой с грустью понимает, что они объединены общей религией, имя которой — бездуховность. Отсюда и название романа С. Минаева, посвящённого поколению 1970–1976 годов рождения, «*такому многообещающему и такому перспективному, чей старт был столь ярким и чья жизнь была столь бездарно растрачена*», — герой придумывает для этого поколения слоган: «*ДУХLESS. Буду работать за еду (и шмотки)*». А ниже логотип Dolce&Gabbana (по аналогии с американскими бездомными,

которые вешали на грудь таблички “Homeless. Will work for food”).

Популярность романа Сергея Минаева сравнивали с неожиданным успехом романа Оксаны Робски «Casual. Повседневное». Но если Робски с восторгом описывает «тайное тайных» жизни современных буржуа, закрытых от мира высокими заборами дач на Рублёвском шоссе, то Минаев практически тем же героям выносит суровый приговор: «*Если в начале прошлого века героем общества был мальчик, стоявший у истоков революции — Паши Корчагин, то сегодня его заменил мальчик, стоящий у входа в ночной клуб, — Пашика-фейсконтрольщик. У него берут интервью, он надувает щеки, говорит какие-то глупости. Он, Пашика-фейсконтрольщик, истинный властитель дум. Ведь именно этот ночной страж решает, попадете вы в конечном итоге в мир мумий*».

Выморочная, извращённая средствами массовой информации и особой выстроенной системой координат жизнь современного ребёнка становится одной из главных тем прозы Е. Долгопят.

Рассказ «Два сюжета в жанре мелодрамы» начинается с подробного описания съёмки рекламного ролика кондитерской продукции. Мастерство оператора и точность подбора «лиц» для этой рекламы определили её невероятный успех: «*Была задумана реклама торта, а вышла реклама семейной жизни. Очевидно, что мальчик, мужчина и женщина любят друг друга, что им хорошо вместе, что этот дом с чашками, мирным светом, воздухом — дело их рук, что без них, без любого из них, мир рухнет, что они — триединство, троеначалие, необходимое и достаточное условие существования друг друга... Любопытно, что эту рекламу оставался под впечатление семейного уюта и взаимной любви, объединяющей этих троих персонажей*». Иллюзорность киношного мира, абсолютное несовпадение с реальностью становится причиной трагедии. В рекламе должен был сниматься племянник режиссёра, который в самый последний момент категорически отказался. Редактору пришлось срочно искать героя просто на улице. Подходящим «лицом» оказался Коля, мальчик из малообеспеченной семьи, в которой царил одиночество, нищета, ▶

нелюбовь и равнодушие. Короткая съёмка в ролике про «счастливую семейную жизнь» перевернула внутренний мир мальчика. Его главной целью стало воплощение этой иллюзии в жизнь. Коля — представитель нового поколения, воспитанного на компьютерных «стрелялках» и кровавых триллерах. Его идеалом является Данила Багров, герой фильма «Брат», добивающийся своей цели хладнокровно и настойчиво. Коля сначала заселяется (путём уговоров, слёз, заискивания, угроз и ночёвок на холодной лестничной площадке) в холостяцкую квартиру Дмитрия Васильевича, игравшего в ролике, и пытается создать «*семейную идиллическую атмосферу с запахом сдобных бу-*

лочек», а потом просто, как будто нажимая на компьютерную мышь, убивает мужа и двоих детей Наташи, расчищая место для «рекламной семьи». После этого он стал заходить к ним, готовить, разговаривать с онемевшей от горя женщиной и как-то привёл к ней Дмитрия Васильевича. А «*через полгода примерно они обменяли обе квартиры на трёхкомнатную и съехались жить вместе. Больше всего мальчик любил вечера на кухне под лампой из зелёного стекла. Лампу он сам выбирал в магазине «Свет»*». Страшный в своей лаконичности и кинематографической точности рассказ Е. Долгопят прекрасно иллюстрирует те процессы, которые происходят сегодня в массовом сознании. По мнению писателя М. Харитоновой, «*киношная» версия жизни именно в силу своей документальной, фотографической правдоподобности может подменить жизнь реальную. Уже существует киношная война и киношная революция, киношные преступники и ге-*

рои, киношные деревни и стройки, киношная любовь, киношная эстетика и идеология. В массовом сознании эта подмена едва ли не полная.

Сказка для читателя

Необходимо сказать, что если для русского постмодернизма, «нового реализма», современной антиутопии, «новой драмы» и других направлений современной элитарной литературы свойственны обозначенные выше тенденции антигуманизма, фиксирующие болезни нашего общества, то в массовой литературе картина совершенно иная. Принцип получения удовольствия становится смыслообразующим мотивом поведения человека, ставшего потребителем. Предпочтение мира внешних впечатлений миру внутренних переживаний и размышлений требует и от искусства лишь удовольствия, разрядки, компенсации. В связи с этим можно утверждать, что процесс получения удовольствия от процесса чтения связан сегодня в большей степени с текстами именно массовой литературы, поскольку литература высокая, элитарная требует от современного читателя не только труда, душевных затрат, внимания и активной мыслительной работы, но и читательской компетенции, столь необходимой при разгадывании интертекстуальных игр писателей.

Современному читателю требуется некое средство, снимающее избыточное психическое напряжение от обрушивающихся на него информационных потоков, редуцирующее сложные интеллектуальные проблемы до примитивных оппозиций («хорошее–плохое», «наши–чужие», «добро–зло», «преступление–наказание», «светлое–тёмное» и т. п.), дающее возможность отдохнуть от социальной ответственности и необходимости личного выбора. Социолог литературы Н. Зоркая отмечает тенденции усреднения и массовизации литературных предпочтений у читателя конца XX века, понижение уровня его притязаний, ориентацию на упрощение и развлечение. В чтении даже самых образованных и литературно-квалифицированных групп преобладают ориентации на наивно-адаптивный тип культурного поведения и потребления, отказ от анализа современности, склонность к развлечению и эскапизму, усреднению вкусов, носталь-

гия по «иной», либо прошлой, либо сказочной жизни.¹³

Массовая литература заменяет истинную картину мира его упрощёнными схемами, фиксирующими беспомощность человека, его тревожность, растерянность перед решением проблем современного мира. Этой растерянностью во многом объясняется и инфантильность массового читателя начала XXI века, которому требуется особая система средств по смысловой адаптации, «переводу» транслируемой информации с языка высокого искусства на уровень обыденного понимания. Если такого рода адаптация всегда требовалась детям, когда «взрослые» смыслы переводились на язык сказок, притч, занимательных историй, упрощённых примеров, более доступных для детского сознания, то в начале XXI века подобная интерпретативная практика становится необходимой для человека на протяжении всей его жизни. Поэтому вполне понятно, почему для разных жанров массовой литературы (и мелодрамы, и фэнтези, и детектива, и др.) важным становится создание именно гуманистической картины мира, в котором зло обязательно будет наказано, преступление раскрыто, свет победит тьму, любовь победит смерть и т. д. и т. п. Соответственно герои этих произведений чётко маркированные на «отрицательных» и «положительных»,

напоминают героев литературы соцреализма, вписанных в готовый миропорядок без особых личностных границ. Неслучайно критик О. Мартынова в статье «Загробная победа соцреализма» (OPENSOURCE.RU), написанной для немецкой газеты «Neue Zuercher Zeitung» и вызывавшей широкую дискуссию, приводит примеры, иллюстрирующие феномен ренессанса советского литературного вкуса и реабилитации советской культурной идеологии:

«Господствующий литературный вкус стал, наконец, таким, каким официальная советская критика всегда хотела, чтобы он был: прямое повествование, весьма отдалённо напоминающее классические образцы; как правило, очень сентиментальное; сильно идеологически ориентированное; примитивное по языку и оперирующее чрезвычайно упрощёнными картинками мира. Вот она, загробная победа социалистического реализма!»

Обратимся ещё раз к определению слова «гуманизм» (от лат. *Humanitas* — человечность, *homo* — человек) — это мировоззрение, в центре которого находится идея человека как высшей ценности. Тенденция развития отечественной литературы (смею утверждать, что и западной тоже) заключается в сомнении элитарной литературы в статусе современного человека как высшей ценности и в стремлении массовой культуры эту ценность, напротив, утрированно подчеркнуть, создав своеобразный миф о «сверхчеловеке». Мидл-литература (проза Д. Рубиной, А. Слаповского,

Г. Щербаковой, Л. Юзефовича, Б. Акунина и др.) пытается примирить эти две противоположные тенденции.

«Кризис гуманизма есть кризис внутренней формы человеческого самосознания», — писал в начале XX века поэт Вяч. Иванов.¹⁴ Пожалуй, и спустя сто лет эти слова справедливы, и точно вскрывают большие вопросы современности.

С автором можно связаться:
ma-cher@yandex.ru

1 Мандельштам О. М. Гуманизм и современность // Мандельштам О. Выпрямительный вздох. Стихи. Проза. — Ижевск, 1990. — С. 99.

2 Ерофеев В. Русские цветы зла. — М., 1997. — С. 9.

3 Там же.

4 Золотоносов М. Последствия Шаламова // Шаламовский сборник. Вып. 1. / Сост. В. В. Есипов. — Вологда, 1994. — С. 176–182.

5 Имеются в виду рассказы Л. Петрушевской и Ю. Мамлеева, повести С. Каледина «Смирненное кладбище» и «Стрибат», «Печальный детектив» и «Людочка» В. Астафьева, «Рыбий глаз» А. Иванченко, проза Л. Габышева, М. Палей и др.

6 Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. Новый учебник по литературе в 3 книгах. — М., УРСС, 2001.

7 Быков Д. Два пе. Петрушевская и Пелевин: певцы конца века // R uLife.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа <http://rulife.ru/index.php?mode=article&artID=798&print>

8 Ерофеев В. Русские цветы зла. — М., 1997. С. 12

9 Данилова Е. Крушение гуманизма?: интервью с Мамлеевым // Неделея, 1993. — №2.

10 См. об этом: Костырко С. Чистое поле литературы // Новый мир. — 1992. — №12. — С. 250–260.

11 Эпштейн М. Постмодерн в России. — М., 2000. — С. 145.

12 Ерофеев В. Русские цветы зла. — М., 1997. — С. 13.

13 Зоркая Н. Чтение в контексте массовых коммуникаций // Мониторинг общественного мнения. — 2003. — №2 (64). — С. 60–69.

14 Вячеслав Иванов. О кризисе гуманизма. **К морфологии современной культуры и психологии современности // Иванов Вяч. Избранные статьи. — М., 1999. — С. 112.**

Как изменялось мировоззрение и гуманистическое сознание человека на рубеже XX–XXI веков.

Гуманизм, русская литература, человек

The author reflects about the attitudes and humanistic human consciousness at the turn of XX–XXI centuries.

Humanism, Russian literature, people

В поисках формулы

Уважаемые коллеги! Начинаем поиск формулы библиотечного гуманизма. Для начала — провокационный вопрос от профессора А. Соколова: зачем нужны библиотеки в информационном обществе?

Любовь Карзникава:

Библиотеки в информационном обществе необходимы. Во-первых, для гуманизации общества. Только в библиотеке умный и дальновидный библиотекарь может спрятать от читателей книгу, которая начинается словами «мой дедушка часто вспоминал свой гомосексуальный опыт». Во-вторых, живое общение учит людей быть не только умными, но корректными к собеседнику. В-третьих, возможность просто поддержать книгу в руках останется в подкорке у настоящих читателей.

Наталья Вишневецкая:

Хотя бы для того, что бы научить общество правильно пользоваться информацией. Потреблять информацию без разбору — всё равно что питаться чем попало.

Надежда Кузьмина:

Потому что, они умеют правильно распределять и распространять любую информацию, а также являются хранителями этой информации. Они мобильны и лучше всех ориентируются в любом информационном поле.

Наталья Вольская:

Найти, собрать, обработать, донести до пользователя информацию, накапливать, распределять и распространять её в информационном пространстве. Пожалуй, именно для этого. Для всего остального есть родители, воспитатели, преподаватели и собственная голова на плечах. Кстати: считаю, что иной раз может понадобиться и книга о гомосексуальном опыте, и прятать её совершенно не нужно, во всяком случае, во взрослой библиотеке.

Галина Пальгужева

В информационном обществе роль библиотеки как собирателя, хранителя и распределителя информации, увы, уходит в прошлое. Вопрос проф. Соколова как раз в том, чтобы найти новую роль библиотеки в инф. о-ве. Какую?

Людмила Белозерова И в самом деле — зачем? Уже сейчас современные средства связи и оборудование позволяют обходиться без них. А что будет дальше?! А вот по поводу «хранить, распределять и распространять информацию» хочется сказать: делать это современным библиотекам уже практически невозможно, да и в какой мере это нужно? Думать, наверное, нужно не над «новой ролью библиотеки», а о новой её сущности. Мне кажется, что ничего страшного нет в том, что какие-то соци-

альные институты устаревают и прекращают своё существование

Зульфия Шакирова:

В информационном обществе библиотеки должны заниматься бесплатной навигацией в информационном пространстве. Оперативно находить, отбирать и выдавать информацию, нужную для пользователя. А бесплатное информационное обслуживание — это и есть библиотечный гуманизм!

Идия Шевцова-Урсатий:

Без бумажной книги и библиотекаря — создающих человека как ЛИЧНОСТЬ — нет общества.

Ирина Лавелина:

Книга без надоедливых напутствий учит жизни в обществе, это цемент человеческих отношений и именно бумажную книгу ещё долго будут читать.

Лариса Ортман:

Библиотека всегда была ХРАНИЛИЩЕМ ИНФОРМАЦИИ! И не какой попало, а самой важной, нужной, эстетически выдержанной информации. Полюбуйтесь, какой грязью забит Интернет, и вы сами поймёте насколько чище и добрее библиотека. Кстати, чем больше ваш ребёнок «зависает» в Интернете, тем он тупее, потому что он не черпает там информацию, а ту-по переписывается с кем попало, не обращая внимания ни на ошибки, ни на чистоту слога.

АРКАДИЙ СОКОЛОВ

Библиотечный гуманизм

и гуманистическая миссия библиотек в информационном обществе

Слова «гуманизм», «гуманизация» в последнее время звучат повсеместно. Но что же они значат применительно к библиотеке как общественному институту, к библиотечной деятельности? Что понимается под загадочной «гуманистической миссией» библиотек?

Аркадий Васильевич Соколов, профессор, доктор педагогических наук, Санкт-Петербург

Я ПОДОЗРЕВАЮ, что заглавие статьи может вызвать недоумение у вдумчивого библиотекаря-библиографа. Во-первых, в библиотечных словарях, энциклопедиях, учебниках термин «гуманизм» отсутствует, потому что сюжеты типа библиотечного гуманизма, гуманистической миссии и т. п. никогда в библиотечковедении не обсуждались. Во-вторых, неоднозначен термин «информационное общество». Его ввели в оборот японские информатики, работавшие в 1980-е годы над амбициозным проектом «ЭВМ пятого поколения» — «интеллектуальной машиной информационной цивилизации» (дзёхо сякай). Авторство термина приписывается Ёнедзе Масуде, опубликовавшему в 1981 году в США получившую широкое признание книгу «Информационное общество как постиндустриальное общество». Ёнедзе Масуда высказал уверенность, что в грядущем глобальном обществе главной отраслью экономики станут производство, аккумуляция и распространение информации посредством телекоммуникации. Он наивно надеялся, что информационная техника послужит мощным средством для формирования новой социально-экономической формации, которая будет бесклассовой и бесконфликтной, соответствующей древним мифам о прекрасном царстве вечного изобилия.

Всемирная популярность идеи информационного общества объясняется тем, что она относится к массиву футурологического знания, то есть предсказаний, предположений, прогнозов, концепций и теоретических доктрин, посвященных будущему человечества. Поскольку информационное общество

мыслится как неизбежная «ступень в развитии современной цивилизации», его образ не может не волновать каждого человека. Кроме того, внушают доверие родственные связи идеи информационного общества с **информационно-технологической революцией**¹, которая дала аргументы для гипотетических сценариев «мира информации». В отличие от оптимиста Ё. Масуды, многие футурологи высказывают опасения относительно возможного раскола этого общества на тонкий слой высокообразованных, богатых, счастливых «хозяев жизни» (анклав сверхпотребления) и обширное «гетто нищеты», лишённое доступа к информационным и прочим социальным благам.

Печальнее всего, что ни оптимисты, ни пессимисты не предвидят в процветающем информационном обществе какие-либо библиотеки, выполняющие полезные миссии или функции. Невозможно с ними согласиться. Отсюда столь замысловатое название настоящей статьи, которое, по сути дела, является ответом на головоломный вопрос: **зачем нужны библиотеки информационному обществу?** Я уверен, что библиотеки станут жизненно необходимы грядущему информационному обществу, если библиотекари отдадут приоритет не информационной функции, а гуманистической миссии. На чём основана эта уверенность? Для начала уясним понятия «гуманизм» и «библиотечный гуманизм», «миссия» и «библиотечная миссия».

Эталонная формула гуманизма

В наши дни гуманизация различных видов человеческой деятельности и об-

ществленных отношений стала одной из популярных и широко обсуждаемых проблем. Гуманизация (гуманитаризация) образования волнует педагогов; экономисты обсуждают гуманизацию организации труда на предприятиях; в юриспруденции выдвигаются проекты гуманизации уголовного законодательства; архитекторы разрабатывают методы гуманизации строительства; наконец, привлекает внимание гуманистическая теория спорта, занимающаяся гуманизацией олимпийского движения.²

Философы-гуманисты, пытаясь разрешить главное противоречие техногенной цивилизации (мощь техники и нищета духовности), призывают людей гуманизировать социальные взаимосвязи и рассматривать человека как цель, а не как средство. Мировое сообщество начинает понимать, что в нашу эпоху глобальных кризисов и конфликтов идеи гуманизма приобретают первостепенное значение. Уместно вспомнить известное пророчество Дмитрия Сергеевича Лихачёва (1906–1999): «*Двадцать первый век будет веком гуманитарных наук и гуманизма. В противном случае человечество может выродиться в гуманоидов, умеющих считать и пользоваться компьютерами, но их духовные ценности можно будет выразить одним-двумя словами.*»³ Угроза дегуманизации грядущего информационного общества, действительно, реальна и даже обостряется, поэтому проблема «Гуманизм и библиотеки» становится чрезвычайно актуальной и заслуживает углублённого осмысления как теоретиками, так и практиками библиотечного дела.

Обсуждение проблемы «Гуманизм и библиотеки» будет бессмысленным и беспредметным, если не определено понятие «гуманизм». Кропотливый лексикографический анализ термина «гуманизм» осуществил философ В. А. Рыбин. В результате этимологических и семантических сопоставлений многочисленных дефиниций, он пришёл к выводу, что бытуют три различных понимания термина «гуманизм».

Исторически исходное: Гуманизм — это идейно-культурное движение эпохи Возрождения, которое базируется на следующих принципах: свободном всестороннем развитии личности; освобождении от духовного господства феодализма и католицизма; обращённости к

античной философии, литературе, искусству;

Гуманитарно-научное: Гуманизм — это мировоззрение (система идей), основанное на следующих принципах: человек — высшая ценность общества; благо человека — суть (смысл, содержание) общественных отношений; человек имеет право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей; человек — творческая индивидуальность, вместилище творческой потенции;

Обыденное: Гуманизм — это отношение к людям, которое характеризуется чуткостью, уважением, справедливостью, отзывчивостью, заботой, любовью, сострадаем.⁴

Историческую и обыденную трактовку гуманизма оставим в стороне. Сосредоточимся на понимании гуманизма в современных гуманитарных и общественных науках, к числу которых относится библиотковедение. Противоречия XX века — мировые войны, тоталитарные режимы, оружие массового уничтожения наряду с научно-технической революцией, распадом колониальной системы, холодной войной, интеллектуализацией общества актуализировали гуманистическую проблематику. Зарождение гуманистического умонастроения в США и западноевропейских странах в конце XIX–первой половине XX столетия подробно представлено в обзоре Ю. Ю. Чёрного.⁵

Авторитетным гуманистическим документом является **Всеобщая декларация прав человека**, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. Декларация провозглашала: Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии (статья 18); Каждый человек имеет право на свободу убеждений, на свободное выражение их, свободу искать, получать, распространять информацию и идеи любыми средствами, неза-

висимо от государственных границ (статья 19); каждый человек имеет право на образование; начальное и общее образование должно быть бесплатным, а начальное образование обязательным; высшее образование должно быть одинаково доступным для всех на основе способностей каждого (статья 26); каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научной прогрессе и пользоваться его благами (статья 27). В 1950 году 10 декабря, день принятия Всеобщей декларации прав человека, ООН объявила всемирным праздником День прав человека.

В наши дни на международной арене центральную роль играет всемирное объединение гуманистических организаций — Международный гуманистический и этический союз (International Humanist and Ethical Union). Союз, основанный в 1952 году на Всемирном гуманистическом конгрессе в Амстердаме, объединяет более 100 атеистических, этических, рационалистических, скептических, вольномыслящих и прочих гуманистических обществ из 40 стран Европы, Азии, Латинской Америки, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Союз осуществляет правозащитную, организационно-пропагандистскую и просветительскую деятельность. Под его эгидой была учреждена Международная академия гуманизма (International Academy of Humanism), которая объединяет выдающихся гуманистов современности и занимается формированием и распространением гуманистических идей прав человека, социальной справедливости и толерантности, свободного и открытого, плюралистического и демократического общества.

Большой интерес во всём мире вызвал «Гуманистический манифест 2000: Призыв к новому планетарному гуманизму», опубликованный Международной Академией гуманизма накануне XXI века.⁶ В Манифесте провозглашены следующие принципы планетарного гуманизма: (1) Стремительная глобализация обуславливает единство человечества и возлагает на каждого из нас ответственность за людей, живущих за пределами нашего ареала. Физически и морально мы связаны так сильно, как никогда прежде, и если где-то звонит

колокол, он звонит по каждому из нас. (2) Планетарная этика предписывает: поступи так, чтобы сумма человеческих страданий уменьшалась, а счастья — возрастала. (3) Следует воздерживаться от чрезмерного подчёркивания национальных культурных особенностей, поскольку это может вызвать взаимное отчуждение и быть деструктивным фактором общественной жизни. (4) Мы ответственны за ближайшее и отдалённое будущее, за людей, которые будут жить после нас. Каждое поколение обязано оставить последующему более благоприятную окружающую среду. (5) Следует остерегаться совершать что-либо из того, что может нанести ущерб будущему человечеству. Авторы «Манифеста 2000» отдают себе отчёт в том, что он представляет собой по сути дела «декларацию о намерениях». Они признают, что до осуществления их «желаний и мечтаний» ещё очень далеко, но оправдывают публикацию Манифеста тем, что *«нельзя идти вперёд, не зная и не видя цели, как бы далеко она ни была, а скепсис, ирония, насмешки, охаивание неконструктивны и служат лишь для прикрытия беспринципности и бездеятельности»*.

По инициативе учёных ряда московских вузов и Российской Академии наук в мае 1995 года было учреждено Российское гуманистическое общество (РГО) — добровольное мировоззренческое сообщество людей, разделяющих основные принципы научного мировоззрения, общечеловеческие нормы нравственности, ценности фундаментальных прав человека и свободу разума и совести. В соответствии с Уставом РГО, среди главных целей Общества — разработка новых форм просвещения, морального и культурного влияния во имя гуманизации человеческих отношений, укрепления демократии, освобождения общественного мнения от иллюзий и предрассудков, мешающих людям более трезво и реалистично воспринимать окружающую действительность и самих себя. Ценностями, образующими фундамент теоретической и культурно-просветительской работы РГО, являются человечность, уважение прав и свобод личности, признание её социальной и экологической ответственности. Среди высоко ценимых гуманистами

качеств — достоинство, милосердие, не-насилие, равноправие и социальная справедливость, свобода познания (исследования) и свобода совести. Высшим смыслом своей деятельности РГО считает развитие и укрепление гражданского общества, содействие моральному оздоровлению России, защиту разума, свободы и достоинства её граждан, помощь в выработке ими чувства ответственности за себя и свою страну. Российские гуманисты убеждены в том, что в условиях мировоззренческого вакуума и нравственного кризиса самое важное и неотложное дело — делать всё возможное, чтобы препятствовать процессам дегуманизации общества, защищать принципы научного мировоззрения, элементарные нормы порядочности, личной и социальной ответственности. Идеология отечественного гуманистического движения хорошо представлена в трудах современных российских философов-гуманистов.⁷

Содержание дефиниций, программ, манифестов и «кредо», провозглашенных гуманистами, показывает, что гуманизм представляет собой **мировоззренческий нормативный комплекс (комплекс нормативов)**, регламентирующий конкретные нормы человеческого поведения, диктуемые моралью, традициями, религией, государственными законами, принятыми в данном обществе в данную эпоху. Обобщая и систематизируя важнейшие мировоззренческие ценности, названные в гуманистической литературе, можно получить следующую **эталонную формулу**:

Гуманизм — это мировоззренческий комплекс, включающий и нормирующий следующие духовные ценности: 1) разум, творчество и знание + 2) свобода самореализации + 3) альтруизм (бескорыстное человеколюбие, социальная справедливость и ответственность) + 4) толерантность (гуманность, плюрализм, отказ от насилия) + 5) обусловленность культурой и экогуманизм. Поясню названные нормативы.

1) Гуманизм вышел на историческую арену в эпоху Возрождения под знаменем рационального знания и научного творчества, которые противопоставлялись средневековому обскурантизму и церковному догматизму. Он сложился как мировоззрение, основанное не на слепой вере, а на критическом рационализме и скептицизме. Безумие, бездарность, невежество исключаются из гуманистического мировоззрения как антиподы человечности. Поэтому понятия «разум», «творчество», «знание» входят в формулу гуманизма в качестве основополагающего рационального норматива.

2) **Свобода самореализации** разумного и знающего субъекта заключается в возможности осуществления естественных прав человека (свобода мысли, свобода слова, свобода общения, свобода самосовершенствования) и в добровольном выборе (свобода воли) гуманистических ценностей. Свобода социализированной личности соотносится с общественным законом и, соответственно, с ответственностью за его соблюдение и наказанием за его нарушение. Самореализация есть *«проявление уникальных особенностей конкретного человека в процессе его жизнедеятельности»*.⁸ Не допускается ограничение свободы самореализации в зависимости от расы, национальности, происхождения или пола человека. Свобода — основная ценность либерализма, которая является одновременно и основной ценностью гуманизма, ибо бесчеловечно лишать человека свободы действия (кроме законодательно определенных случаев). Можно сказать, что либерализм — это гуманизм, взятый в аспекте свободы, а гуманизм — это либерализм, взятый в аспекте человечности. Это либеральный норматив гуманизма.

3) **Альтруизм (бескорыстное человеколюбие)** предопределяет цели гумани-

стической деятельности; его антипод — эгоизм толкает человека на антигуманистические поступки. Люди не равны по врождённым способностям и социальным условиям формирования личности. Кто-то талантливый и умный, кто-то тугодум; кто-то получил блестящее образование и отлично воспитан, кто-то не доучился и т. д. В неравенстве заключена несправедливость, потому что все люди в равной мере имеют право на жизнь и счастье. Альтруизм нацелен на компенсацию исходного природно-социального неравенства и обеспечение **социальной справедливости**. Он побуждается эмоционально протестом, милосердием, состраданием. Мерой альтруизма гражданина является ощущение **ответственности** за свое поведение. В альтруизме выражается целевой (телеологический, от греч. «телос» — цель) норматив гуманизма, соответствующий девизу: «Всё для человека, всё для блага человека».

4) Гуманизм неразрывно связан с гуманностью. В XX столетии получило распространение межнаучное понятие **толерантность**, которое принято в политологии, этике, культурологии, психологии.⁹ Толерантность обычно трактуется как «*способность индивида без возражений и противодействия воспринимать отличающиеся от его собственных мнения, образ жизни, характер поведения и какие-либо иные особенности других индивидов*»¹⁰, как отказ от насилия и «*отрицание принуждения как способа взаимодействия человека с миром, природой, другими людьми*».¹¹ Толерантность не означает примирения со злом, потакание злу своим бездействием. Напротив, она предполагает противоление злу словом или неповиновением, бойкотом распоряжений злобной власти, но никак не силой оружия. Гуманистическая этика основана на «золотом правиле»: поступай с другими так, как

хочешь, чтобы с тобой поступали; не делай другим того, что ты не желаешь себе. В этом «золотом правиле» скрыты **толерантность, гуманность, плюрализм, отказ от насилия**. Понимая этику как учение о морали (нравственности), представляющее собой практическую, или нормативную, философию¹², назовём данный норматив моральным.

5) **Обусловленность культурой и экогуманизм** — означает стремление понять и сохранить воплощенное в языке и в артефактах культурное наследие, завещанное предками, и не разрушить экологическое равновесие планеты. Здесь напрашивается слово «*благоговение*», подсказанное Альбертом Швейцером (1875–1965), которого по праву называют «*гением человечности*» и «*великим гуманистом*», имея в виду его бескорыстную врачебную деятельность в Экваториальной Африке и борьбу против атомного оружия.¹³ Однако, избегая избыточной патетики, довольствуемся термином «обусловленность», имея в виду производность гуманистических нормативов от специфики культуры данного общества. **Экогуманизм** — составная часть гуманистического мировоззрения, которая включает сохранение животного мира, посильное воссоздание утраченных элементов естественной природы и совершенствование искусственной культурной среды. Данный норматив отражает генетическую связь гуманизма с культурой, и его логично назвать генетическим.

Формула библиотечного гуманизма

Гуманистические комплексы различных субъектов (от отдельной личности до полиэтнического общества) обладают стабильной структурой, состоящей из пяти перечисленных выше ценностных нормативов: рациональный, либеральный, целевой, моральный, генетический, но состав ценностей, входящих в норматив, конечно, будет различным. Для библиотечного дела теоретическое и практическое значение имеет **типизация гуманизма по субъектам-носителям**. В этом случае эталонная формула модифицируется применительно к субъектам четырёх типов: а) индивидуальная личность (интеллигент-гуманист, библиотекарь-гуманист); б) социальный институт (народное образование, государственная власть, библиотеч-

ный институт); в) человеческий социум (российское общество, советское общество, фашистское общество); г) человечество в целом (глобальное общество, всемирное общество, ноосфера). В результате модификации получают типологические формулы (гуманистические нормативные комплексы) индивидуального гуманизма, институционального гуманизма, социального гуманизма, планетарного (ноосферного) гуманизма. Эти формулы можно использовать для оценки отдельного человека

(насколько он соответствует эталону гуманиста); для оценки гуманизации / дегуманизации общества; для оценки гуманистической деятельности социального института. Разработка типологических формул — самостоятельная сложная задача. Мы ограничимся формулой библиотечного гуманизма, соответствующей библиотечному социальному институту. Учитывая специфику библиотечной деятельности, получаем:

Библиотечный гуманизм — это мировоззренческий комплекс, включающий следующие нормативы библиотечной деятельности: 1) формирование библиотечного ресурса, содержащего гуманистически ценные источники; 2) обеспечение свободного доступа всех граждан к гуманистическому ресурсу; 3) целевая установка на благо читателей и социальную ответственность за результаты деятельности; 4) диалоговая (субъект — субъектная) форма общения с читателями и коллегами, исключающая манипуляцию (коммуникационное насилие); 5) культуроцентризм — утверждение библиотеки как центра книжной культуры, культуры межличностного общения, информационной культуры.

Формулу библиотечного гуманизма можно использовать в качестве гуманистического критерия при оценке социальных функций и социальных миссий библиотек.

Социальные функции и социальные миссии библиотек

В библиотекведческих текстах довольно произвольно трактуются понятия «функция» и «миссия». Учёные-библиотекведы в разное время предлагали разные наборы функций библиотеки, создавая, так сказать, «функциональную неразбериху» в библиотечной науке. В 1970–80-е гг. провозглашалось, что советские библиотеки как библиотеки социалистического типа *«выполняют важные социальные функции — способствуют реализации конституционных прав граждан СССР на образование, пользование достижениями культуры, отдых, свободу научного, технического и художественного творчества; содействуют повышению политической сознательности и формированию активной жизненной позиции советских людей, воспитанию их в духе коммунистического отношения к труду, идейной убеждённости, советского патриотизма, непримиримости к буржуазной идеологии»*.¹⁴ В Советском Союзе церковное слово «миссия» было не в ходу, вместо миссии библиотеки выполняли **цели и задачи**, сформулированные в постановлениях партии и правительства.¹⁵ Главными целями были коммунистическое воспитание трудящихся и содействие научно-техническому прогрессу, которые конкретизировались в виде задач: пропаганда марксизма-ленинизма и текущей политики КПСС, производственная пропаганда, культурно-просветительная работа, централизация библиотечного дела, организация массового чтения, руководство чтением и т. д.

В постсоветском библиотекведении функциональная направленность библиотек была пересмотрена и переосмыслена. Научно отработанный, скажем, **энциклопедический перечень социальных функций** библиотеки содержится в «Библиотечной энциклопедии» (М., 2007. — С. 139–140). Вот эти функции: мемориальная, просветительная (образовательная), информационная, социализирующая, рекреационная (развлекательная, реабилитационная), гедонистическая, ценностно-ориентирующая. Большинство этих функций необходимо присущи всем учреждениям библиотечного типа, однако образовательная, рекреационная, гедонистическая функции являются факультативными, потому

что обнаруживаются не в каждой библиотеке. В то же время перечисленные функции нельзя назвать сугубо библиотечными, так как они выполняются также школой, телевидением, музеями и другими учреждениями культуры.

В условиях постсоветской идеологизации в библиотечном сообществе получил распространение термин **миссия**, который звучит привлекательно, но как-то таинственно-мистически. Так, А. Н. Ванеев на страницах «Библиотечной энциклопедии» дал следующее толкование: миссия библиотеки — *«высшая идея предназначения библиотеки, её “суперцель”, в соответствии с которой библиотека рассматривается как символ культуры, идеальное духовное начало общества, обеспечивающее сохранение и передачу культурного наследия, духовной памяти человечества»* (с. 648). По словам М. Я. Дворкиной, миссия чаще всего трактуется как *«ответственное задание, «поручение» библиотеке как социальному институту, данное обществом»*, заключающееся в том, чтобы быть *«посредником в мире информации, содействующим гуманизации этого мира»*.¹⁶ Так формулирует миссию любой публичной библиотеки, суть её общественного предназначения С. Г. Матлина: *«ежедневно и ежечасно превосходить и удовлетворять всю систему культурно-информационных ожиданий публики»*.¹⁷ Логическая уязвимость цитированных определений заключается в том, что они не соотносят понятия «функция» и «миссия». На мой взгляд, библиотечную миссию можно назвать библиотечной функцией, но функцией особой, специфической. В чём заключается её специфика?

Социальные функции библиотечного учреждения обусловлены его способностью удовлетворять духовные потребности читателей. Назначение функций — **обслуживать** эти потребности. Миссия же предназначена не для обслуживания, а для **преобразования** (совершенствования) общества в соответствии с определенными идеалами. Так, церковь выполняет свою религиозную миссию согласно священному учению; просвещение народа — миссия института народного образования. Именно в социально-преобразовательной направленности заключается специфика миссии, отличающая её от прочих социальных

функций. Миссии реализуются через целеполагание функций, ориентируя последние на достижение предусмотренных социальных состояний. Получается следующее определение: **социальная миссия библиотечно-библиографического учреждения — исторически обусловленная функция, заключающаяся в ценностно-целевой ориентации всей его деятельности**.

Какие миссии выполнялись отечественными библиотеками? На основании исторического опыта можно выделить, по крайней мере, **три версии социальной миссии библиотек**: а) Просветительская версия; б) Советская версия; в) Информационная версия. Формализуем смыслы этих версий и оценим содержание последней версии с точки зрения потребностей грядущего информационного общества.

А. Просветительская версия — наследие эпохи Просвещения (XVIII век), когда, по словам Б. Ф. Володина, *«современники начали воспринимать библиотеку как одно из важнейших учреждений общества, как социальный институт, от организации работы и активности которого зависит уровень образованности граждан. Лучшими библиотеками этого времени становятся те, которые начинают ориентироваться на идеалы энциклопедической библиотеки»*.¹⁸ Этим идеалам соответствовали универсальные научные библиотеки университетов и академий, придворные библиотеки просвещенных монархов и национальные библиотеки, которые символизировали становление централизованных национальных государств.

Гуманистическая природа универсальных научных библиотек проявлялась в двух целевых установках: во-первых, служение разуму, просвещению и научному знанию, во-вторых, сбор и хранение культурных ценностей, воплощённых в книжных фондах. XIX век характеризуется повсеместным ростом грамотности и культурного уровня населения (особенно в США и Великобритании). По инициативе интеллигенции происходило массовое образование общедоступных публичных, городских, народных (в России — уездных, губернских, земских, церковно-приходских) библиотек, создаваемых государством, общественными организациями, меценатами, церковью. В общедоступных и

бесплатных библиотеках и читальнях воплотились бескорыстное человеколюбие, социальная ответственность и справедливость, гуманность и благоговение перед культурой, которые стали составной частью классического библиотечного мировоззрения и типичными качествами профессиональных библиотечкарей. Таким образом, получаем определение: **просветительская миссия библиотек = профессиональная деятельность библиотечного сообщества, осуществляемая сознательно (разумно), свободно (без принуждения), гуманно (толерантно), во благо человека (человечества) и национальной книжной культуры.** Просветительская версия представляет собой реализацию формулы библиотечного гуманизма в условиях индустриальной цивилизации.

Б. Советская версия — пример не гуманистической, а квазигуманистической библиотечной миссии. Напомню решение Первого Библиотечного съезда (июль 1924 г.): *«Вся масса библиотечных работников вместе со всей трудовой интеллигенцией твёрдо осознала значение Советской власти и Коммунистической партии в борьбе за массовую культуру и социальное расширение трудящихся. Основную цель своей работы библиотечные работники видят в том, чтобы выковать из библиотеки орудие выработки коммунистического мировоззрения, чтобы превратить её в очаг воспитания и просвещения в духе марксизма и ленинизма. Усилиями библиотечных работников библиотека должна стать активным борцом за очередные лозунги Советской власти, через неё трудящиеся должны приобщиться к текущим политическим, хозяйственным и культурным задачам строительства Советского Союза».*¹⁹ Квазигуманистическая суть советской версии заключается в замене гуманистического принципа толерантности (гуманности, плюрализма, ненасилия) антигуманистической установкой *«выковать из библиотеки орудие», «стать активным борцом за очередные лозунги»* и т. д. В дальнейшем эта установка превратилась в официально закреплённую идейно-воспитательную (идеологическую) прикладную функцию советских библиотек. Определение **советской квазигуманистической миссии** имеет вид:

профессиональная деятельность библиотечного сообщества, осуществляемая сознательно (разумно) в соответствии с требованиями советской власти во имя коммунистического воспитания советского человека по нормам советской культуры.

Однако советскому тоталитаризму не удалось полностью дегуманизировать отечественные библиотеки, не удалось вытравить благоговение перед Книгой. Слова М. Горького: *«Всем хорошим во мне я обязан книгам»*, были известны каждому школьнику, и библиотеки, вопреки постановлениям ЦК КПСС, служили не только коммунистическому, но и гуманистическому воспитанию трудящихся. В конечном итоге почерпнутое из библиотечных книг и самиздата гуманистическое мировоззрение оказалось сильнее антигуманистической партийной идеологии. Не будет

большим преувеличением сказать, что библиотечный гуманизм, скрывавшийся под маской квазигуманизма, был одним из могильщиков Советского Союза.

В. Информационная версия, характерная для постсоветских библиотек, делает акцент не на гуманистические цели библиотечной практики, а на используемые информационно-коммуникационные средства. Признаются такие ценности, как разум, творчество и знание, толерантность и плюрализм, особенно приветствуются интеллектуальная свобода и свобода самореализации. Вместе с тем отвергается альтруистический норматив, на котором настаивает просветительская версия, ибо считается, что бескорыстное человеколюбие, со-

циальная справедливость и ответственность — старомодные ценности, не уместные в информационном обществе. Поэтому информационную версию библиотечной миссии следует квалифицировать как **квазигуманистическую**, а не гуманистическую. Получаем определение: **информационная квазигуманистическая миссия = профессиональная деятельность библиотечного сообщества, осуществляемая сознательно (разумно), свободно (без принуждения), гуманно (толерантно) в соответствии с платежеспособными требованиями читателей и возможностями библиотечно-информационных технологий.** Поскольку информационная версия рассчитана на условия рыночной конкуренции, она не преследует никаких императивов преобразования общества. Для неё главный императив — удовлетворение платежеспособного спроса читателей. Таким образом, гуманистическая педагогика заменяется рыночной экономикой.

Гуманистическая миссия библиотек в информационном обществе

Информационная версия библиотечного квазигуманизма в условиях наступающего технократического информационного общества вызывает озабоченность. Дело в том, что отказ от гуманистической человечности неизбежно повлечет дегуманизацию библиотечной деятельности. Над субъект-субъектным диалогом, свойственным библиотечному просветительству, начнёт превалировать клиент-ориентированное обслуживание, означающее субъект-объектное отношение, где роль управляющего субъекта играет клиент, а библиотечкарь становится объектом управления. Оцифровывание библиотечных фондов приведёт к девальвации библиотечной мемориальной функции (функции социальной памяти) и деградации культуроцентристского норматива библиотечного гуманизма. В итоге библиотеки «разбиблиотечатся» и утратят гуманистические потенциалы, усугубляя технократизацию информационного общества.

Этого нельзя допустить, потому что мегатенденции глобализации и информатизации не разрешают, а напротив, усложняют решение глобальных проблем угрожающих существованию человечества.²⁰ Гигантский рост научно-технической мощи и экономического

богатства соседствует с духовной деградацией и дегуманизацией отношений между отдельными людьми, народами, нациями, государствами. Если гуманизм основан на сотрудничестве и взаимопомощи, на равноправии и толерантности, на взаимопонимании и уважении других культур, то разрушительная дегуманизация проявляется в алчности и эгоизме, праве сильного и беспомощности слабого, аморальности и хамстве во всех их разновидностях. В последнее десятилетие статус глобальных проблем приобрели международный терроризм и торговля наркотиками. В экстремальных условиях столкновения цивилизаций и корыстных притязаний великих держав, межнациональных, религиозных, классовых конфликтов, озлобления обманутого и нищающего населения **только гуманизация общественного сознания может спасти от гибели обезумевших людей.** Как достичь нужного уровня гуманизации сознания — это главный вопрос в повестке дня XXI века. Главнее и сложнее, чем вопросы глобализации и информатизации.

Гуманизация человечества, его духовное возрождение возможны только в том случае, когда знания и искусство, идеалы и мудрость, воплощённые в культурном наследии наций, в колоссальной памяти мирового сообщества, будут востребованы, поняты и оценены по достоинству самоуверенными потомками. Школа и литература, религия и средства массовой информации должны сыграть свою роль в гуманистическом возрождении постиндустриальной цивилизации, но без участия библиотечно-библиографического социального института не обойтись ни в коем случае. Центральной магистралью распространения гуманистических ценностей всегда была книжная коммуникация, хранящая многовековое гуманистическое наследие. Именно библиотеки, опираясь на многомиллиардные книжные фонды, завещанные предками, способны и должны выполнить гуманистическую миссию, соответствующую условиям информационного постиндустриального общества. Таким образом, намечается четвёртая версия социальной миссии библиотек:

Г. Гуманистическая версия. Утверждение в общественном сознании гуманистических идеалов свободы и толе-

рантности, социальной справедливости и творческой самореализации личности является сегодня для России самым трудным, но и самым важным делом, потому что лишь на этом пути возможен выход из того духовного, культурного и социального кризиса, который переживает страна.²¹ Вопрос заключается в том, сможет ли книжность стать оплотом гуманизации в эпоху глобализации?

В период идеологической перестройки 1980–90-х годов гуманистическая сущность библиотечного социального института, о которой было не принято вспоминать в эпоху господства тоталитаризма, привлекла внимание библиотечников. Официальная «Концепция библиотечного дела в СССР» (1990) ратовала за «*возрождение гуманистической сущности библиотеки, закрепление приоритета её культурной миссии*».²² Содержание понятия «гуманизация биб-

блиотеки» чётко и доходчиво раскрыл В. Р. Фирсов: «*Гуманизация предполагает: активное раскрытие культурного наследия, заключенного в фонде библиотеки; обоюдную заинтересованность библиотекаря и читателя в общении; создание благоприятных условий для контактов читателей между собой, оказание разнообразных услуг, которые будут способствовать выполнению первых трех из перечисленных задач.*»²³ Однако в постсоветском библиотечном сообществе идея библиотечно-гуманизации развития не получила.

Странно выглядит позиция библиотечной науки и практики, которые увлечённо занимаются вопросами информа-

тизации, забыв о гуманизации. Получается, что средство (информационные технологии) важнее, чем цели (гуманистические ценности). Не случайно же в Федеральном Законе «О библиотечном деле» (1994) библиотека трактуется как «*информационное, культурное, образовательное учреждение...*», но никак не гуманистическое. Видимо, по этой причине статья о библиотечном гуманизме отсутствует в капитальной «Библиотечной энциклопедии» (2007). Я полагаю, что подобная позиция государственных мужей и теоретиков-библиотечников дезориентирует библиотечно-библиографический институт и подрывает его социальный престиж. Пренебрежение проблемой «Гуманизм и библиотека» может стоить библиотечному сообществу доверия грядущего информационного общества, потому что технократическое начало этого общества необходимо уравновесить гуманистическим началом, в котором библиотекам должно принадлежать весьма важное место. Я полагаю, что именно проблема «Гуманизм и библиотека» должна занять центральное место в современном библиотечном сообществе.

Парадокс заключается в том, что библиотечное сообщество, не имея понятия о библиотечном гуманизме, не зная формулы гуманизма библиотек, забывая включить понятие «гуманизм» в свой лексикон, в реальной жизни действует весьма гуманистично. Ещё в 1949 году в развитие Всеобщей декларации прав человека ЮНЕСКО провозгласила «Манифест о публичных библиотеках» под девизом: «*Публичная библиотека — живая сила всеобщего образования*». В 1972 году в ознаменование Года книги Манифест был переработан с учётом потребностей стран третьего мира. Наконец, в 1994 году ИФЛА подготовила новый текст Манифеста, одобренный ЮНЕСКО. В Манифесте говорится: «*Публичная библиотека предоставляет свои услуги на основе равенства доступа всех, независимо от возраста, расы, пола, религии, национальной принадлежности, языка или социального статуса. Особые услуги и материалы должны предоставляться таким абонентам, которые по тем или иным причинам не могут пользоваться обычными услугами и материалами, например представителям языковых меньшинств, инва-*

лидам, стационарным больным или заключённым. В фондах должны храниться материалы, отвечающие потребностям всех возрастных групп. Библиотечные фонды и услуги должны включать все виды соответствующих средств информации, современные технологии, а также традиционные материалы. Обеспечение высокого качества и учёт местных потребностей и условий имеет первостепенное значение. Материалы должны отражать современные тенденции и эволюция общества, а также основные вехи человеческой деятельности. Фонды и услуги не должны подвергаться никакой идеологической, политической или религиозной цензуре, а также коммерческому давлению».

В 1999 году был принят Манифест ИФЛА/ЮНЕСКО о школьной библиотеке, где утверждалось, что школьная библиотека позволяет получить информацию и знакомиться с идеями, которые имеют первостепенное значение для успешного участия в жизни нынешнего общества, основанного на информации и знаниях. Школьная библиотека наделает учащихся навыками обучения на протяжении всей жизни и развивает воображение, что позволяет им действовать в качестве ответственных граждан.

Гуманистический пафос манифестов ИФЛА/ЮНЕСКО очевиден, хотя слово «гуманизм» в них не употребляется. Как ни странно, но о гуманизме не говорится и в кодексах библиотечной этики, принятых различными библиотечными ассоциациями мира.²⁴ Вместе с тем библиотекари отдают себе отчёт в альтруистической и культурно-демократической специфике своей профессии. Не случайно кодексы повторяют: «библиотекарь предоставляет полную, объективную и непредвзятую информацию, не искажённую ни личными взглядами, идеями и ценностями, ни внешними политическими или экономическими организациями» (Италия); «библиотекари стимулируют стремление людей к самосовершенствованию и поддерживают усилия в этом направлении» (Корея); библиотекарь «противостоит ограничению доступа к библиотечным материалам и не допускает самовольного изъятия и необоснованного отказа (цензуры) на запрашиваемые документы» (Россия); «на нас возложе-

на особая обязанность обеспечивать свободный поток информации и идей в настоящем и будущих поколениях» (США) и т. д.

Эти и многие другие этические заповеди библиотечных сообществ разных стран свидетельствуют о неявном (подсознательном) существовании библиотечного гуманизма, который, повторю ещё раз, учёные библиотековеды до сих пор не замечали. Подсознательные гуманистические инстинкты профессиональных библиотекарей — результат благотворного воздействия могущественной магии книги, которая способна и самого библиотекаря сделать магом,

волшебником, умиротворяющим разрушительную волну дегуманизации. Не от технократической элиты, обладающей властными полномочиями, а от библиотекарей-гуманистов, обладающих книжными фондами, зависит благополучие не мифологического, а реального информационного общества, стоящего на нашем пороге.

С автором можно связаться:
sokolov1@front.ru

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М., 2000. — С. 51.

² Столяров В. И. Гуманистическая теория спорта и проблема её использования в спортивном и олимпийском движении // Международный журнал спортивной информации «Спорт для всех». — 1999. — №4. — С. 9–12.

³ Лихачев Д. С. XXI век должен быть эпохой гуманизма. — М.: Наука, 1987. — С. 31.

⁴ Рыбин В. А. Гуманизм как этическая категория. — М.: Логос, 2004. — С. 17–18.

⁵ Черный Ю. Ю. Современный гуманизм. Аналитический обзор // Философия в XX веке. Ч. 2. — М.: ИНИОН, 2003. — С. 126–159.

⁶ Манифест 2000: Призыв к новому планетарному гуманизму // Здравый смысл. — 1999. — №13. — С. 2–36.

⁷ Кувакин В. А. Твой рай и ад: Человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма). — СПб.: Алетейя; М.: Логос, 1998. — 360 с.; Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А. Человечность человека: Основы современного гуманизма. — М.: Рос. гуманист. общ-во, 2005. — 390 с.; Кудишина А. А. Гуманизм — феномен современной культуры. —

М.: Академический проект, 2005. — 504 с.; Жуковский В. Д. Основы современного гуманизма: российский контекст. Курс лекций. — М.: Рос. гуманист. общ-во, 2006. — 518 с.; Гвишвили Г. В. Философия гуманизма. — М.: Поколение, 2009. — 496 с.

⁸ Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Человекознание: самореализация человека. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. — С. 109–155.

⁹ Толерантность / общ. ред. М. П. Мчедлов. — М.: Республика, 2004. — 416 с.

¹⁰ Бондырева С. К., Колесов Д. В. Толерантность (введение в проблему). — М.; Воронеж, 2003. — С. 5.

¹¹ Макарова Н. И., Наливайко Н. В. Насилие — ненасилие в современном образовании. — Новосибирск, 2004. — С. 151.

¹² Гусейнов А. А. Этика // Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. — М.: Гардарики, 2001. — С. 573–581.

¹³ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. — М.: Прогресс, 1992. — 576 с.

¹⁴ Библиотековедение. Общий курс / под ред. К. И. Абрамова и Н. С. Карташова. — М., 1988. — С. 63.

¹⁵ Советская библиотека трактовалась как «идеологическое и научно-информационное учреждение, организующее общественное пользование книгами и призванное содействовать коммунистическому воспитанию, культурному и профессиональному росту народа, мобилизации масс на решение политических, хозяйственных, научных и культурных задач» (Чубарьян О. С. Общее библиотековедение. — М., 1976. — С. 42).

¹⁶ Дворкина М. Я. Библиотечно-информационная деятельность. — М., 2009. — С. 14.

¹⁷ Матлина С. Г. О миссии, подвигах, славе... и о буднях // Библиотечное дело. — 2009. — №7. — С. 7.

¹⁸ Володин Б. Ф. Всемирная история библиотек. — СПб.: Профессия, 2002. — С. 106.

¹⁹ История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы. Ноябрь 1920–1929. — М., 1979. — С. 196–197.

²⁰ Родионова И. А. Глобальные проблемы человечества. — М.: Аспект Пресс, 1995. — 159 с.; Тураев В. А. Глобальные вызовы человечеству. — М.: Логос, 2002. — 192 с.

²¹ См.: Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М., 2006. — С. 13–37.

²² Концепция библиотечного дела в СССР // Библиотекарь. — 1990. — №5. — Вставка. — С. 1.

²³ Фирсов В. Р. Библиотека в социокультурной ситуации // Сов. библиотековедение. — 1989. — №4. — С. 15.

²⁴ Библиотечная этика в страх мира. Сборник кодексов / сост. В. Р. Фирсов, И. А. Трушина. — СПб.: РНБ, 2002. — 152 с.

Предлагается формула библиотечно-го гуманизма и обосновывается необходимость гуманистического воздействия библиотек на технократическое информационное общество.

Информационное общество, гуманистическая миссия библиотек

The author proposes a formula of library humanism. He substantiates the need for humanistic impact of libraries on the technocratic information society.

The Information Society, a humanistic mission of libraries

СЕРГЕЙ БАСОВ

Гуманизм: в поисках безупречной системы ценностей

Удивительно, но как библиотековедческая категория, свобода ещё не стала предметом специального изучения. Моя мысль направлена на то, чтобы категория гуманизма «читалась» нами не только как этическая, но и как правовая проблема. Если этого не сделать, то библиотечный гуманизм станет очередным благим пожеланием.

Сергей Александрович Басов, заведующий научно-методическим отделом библиотековедения РНБ, член Совета РБА, кандидат педагогических наук, Санкт-Петербург

В 2011 ГОДУ Российская библиотечная ассоциация (РБА) на Библиотечном Конгрессе в Тюмени приняла два стратегических решения — утвердила Приоритеты развития на 2011–2015 гг. и Кодекс российского библиотекаря. В этих документах появился почти забытый, но весьма привлекательный термин: гуманизм. Библиотечное сообщество заявило о мировоззренческой основе своей деятельности. Что это: желание припасть к древнему источнику «вечных» ценностей, в надежде на сохранение книжной культуры или вполне осознанная попытка нового целеполагания в условиях перехода к информационному обществу?

Впервые после советского периода, который прошёл под сенью социалистических идей, библиотечное сообщество вспомнило о гуманизме. Теперь придётся разбираться с его множественными смыслами, думать над принципами организации библиотечного социального института, в центр которого РБА поставила человека как наивысшую ценность.

Как ни странно, проблема гуманизма не изучалась ни советскими, ни российскими библиотековедами. Я не знаю ни одного исследования, которое в качестве своего предмета выдвигало бы проблему «библиотечного гуманизма». При этом гипотетически кажется верным, что библиотека формировалась в течение многих веков именно в качестве гуманитарного института, стремилась к такой постановке своей работы, при которой высшей ценностью, центром «библиотечной вселенной» был человек. Даже во времена «формовки» со-

ветского библиотекаря и советского читателя. Ясно, что движение к гуманизму происходило стихийно, под влиянием тех или иных объективных и субъективных причин, в борьбе противоречивых духовных и политических интересов. Стихийной ориентации на гуманизм российские библиотекари, конечно же, обязаны сакральному отношению к Книге. Этой — как мы думали ещё вчера — **вечной** духовной ценности.

Человечество вновь начинает осознавать гуманизм в качестве позитивной идеи и главной цели своего развития. Великие умы прошлого это поняли уже несколько веков назад, но жестокий двадцатый век настолько сильно скомпрометировал саму идею, что сегодня мы видим две противоречивые тенденции: согласно одной гуманизм умер и миром правит постмодерн, отрицающий культуру как иерархию, порядок, этический императив; согласно другой, со второй половины прошлого века постепенно оформляется идейное движение неогуманизма, утверждающего гуманистические традиции в философии, культуре и общественной жизни.

Вот и библиотечное сообщество начинает улавливать свежие веяния, хотя на фоне всеобщего заражения вирусом модернизации для этого надо иметь определённое интеллектуальное мужество. Программы модернизации российских библиотек до сих пор нет, вероятно, не в последнюю очередь и потому, что так и не ясно: как понимать модернизацию? Большинство библиотек взялись за информатизацию и отправились в цифровое пространство, надеясь

именно там обрести если не миссию, то нового читателя-пользователя-клиента...

И тут А. В. Соколов выступает с революционным предположением: может быть, модернизация библиотек — это их гуманизация?

Альтруисты, эгоисты и... индивидуалисты

Профессор А. В. Соколов уже не в первый раз выступает застрельщиком обсуждения самых жгучих проблем библиотечного дела. Вот и на этот раз он ищет ответ на головоломный вопрос: **зачем нужны библиотеки информационному обществу?**¹ В своих построениях Аркадий Васильевич опирается на понимание гуманизма как мировоззрения (систему идей) и вытекающих из него отношений между людьми. Предлагается для обсуждения эталонная формула гуманизма: *«Гуманизм — это мировоззренческий комплекс, включающий и нормирующий следующие духовные ценности: 1) разум, творчество и знание + 2) свобода самореализации + 3) альтруизм (бескорыстное человеколюбие, социальная справедливость и ответственность) + 4) толерантность (гуманность, плюрализм, отказ от насилия) + 5) обусловленность культурой и экогуманизм».*

Основное значение формулы А. В. Соколов видит в том, что она может использоваться для оценки отдельного человека (насколько он соответствует эталону гуманиста); для оценки гуманизации/дегуманизации общества; для оценки гуманистической деятельности любого социального института. Иными словами, формула должна «работать» на четырёх уровнях: отдельного человека, социального института (народное образование, государственная власть, библиотечный институт); человеческого социума и даже человечества в целом.

Рискнём вступить в критический диалог с уважаемым профессором. Постараемся показать, что предложенная **эталонная** формула, возможно, не вполне пригодна для организации на принципах гуманизма такого института как государство, а значит и библиотечного дела, которое не может существовать в отрыве от государственных институтов. Да и отдельного человека ставит в очень

трудное положение: требования столь разнообразны и высоки, что сквозь это игольное ушко простой смертный вряд ли пройдёт и, значит, будет не вправе рассчитывать на высокий статус гуманиста.

Прежде всего, зададимся вопросом: в каком соотношении друг с другом находятся компоненты (духовные ценности) формулы: они равновелики и равноправны между собой, или обладают различным гуманистическим «весом»? Ведь от того, в каком соотношении берутся ингредиенты, из которых мы хотели бы сварить, к примеру, борщ, зависит качество нашего гуманитарного блюда. Стоит отдать предпочтение капусте в ущерб свекле и у нас может получиться не борщ, а какие-нибудь щи...

Теперь рассмотрим отдельные компоненты предложенной формулы.

Итак, гуманизм опирается на **разум** человека (то есть не на веру и не на эмоции, чувства), который является основой познания и поведения людей. С этим невозможно спорить. Но не является ли данная составляющая формулы избыточной? Не поглощается ли она таким компонентом, как свобода? Разве может человек обрести свободу без опоры на разум?

В начале XIX века А. П. Куницын, учитель А. С. Пушкина, писал: *«Каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума...»*² Почти через сто лет профессор московского университета, князь Е. Н. Трубецкой в своей книге «Энциклопедия права»³ выдвинул тезис о «свободе внутренней» (свободе воли) и «свободе внешней» (возможности действовать в обществе себе подобных). У человека, полагал он, есть свобода выбора в двойном смысле: во-первых, как способность нашей воли **сознательно** избирать то или другое поведение (это свобода внутренняя, то есть способность человека самостоятельно определять, что для него хорошо, а что плохо) и, во-вторых, как возможность действовать вовне, преследовать и осуществлять свои цели в обществе (это свобода внешняя). Без опоры на разум вряд ли возможно и поставить себе задачу и действовать ради её достижения.

Возражаю я и против «ограничения» свободы «самореализацией». Получает-

ся, что иные свободы, бытующие в обществе, но не относящиеся к «самореализации», для гуманизма менее ценны: свобода слова, убеждений, передвижения, собраний и ассоциаций... «Всеобщая декларация прав человека» 1948 года весьма убедительно и подробно раскрывает многоаспектность прав и свобод человека в обществе.

Свобода человека действовать по своему усмотрению в обществе всегда есть элемент его самореализации. Кто-то лежит на завалянке, другой колет дрова, а третий тихо пьёт горькую в порыве саморазрушающей самореализации. При этом никто из них не нарушает границы свободы других людей.

Свобода самореализации не может быть нормой деятельности государства. Это гражданину должно быть разрешено всё, что не запрещено законом. А то, что разрешено должностным лицам (органам власти), то должно быть вменено им в обязанность. К сожалению, на практике мы часто видим иную картину: чиновники прекрасно «самореализуются»: могут дать средства на содержание библиотек, а могут и не дать. Такую «самореализацию» более уместно назвать произволом.

Таким образом, мы видим, что категория «свобода» приложима и к личности, и к государству, при этом её границы задаются установленными «правилами поведения». В обществе свобода выступает не только как духовная ценность, она становится содержанием **права**.

Важно отметить, что если внутренняя свобода человека не может быть ограничена никем и ничем, то внешняя всегда должна быть ограничена. По какому принципу? Только на основе требования обеспечения внешней свободы других людей. **Все граждане должны иметь равные права на внешнюю свободу.** На этом принципе настаивает С. Н. Егоров⁴, с которым я вполне солидарен. В словосочетании «равные права на внешнюю свободу» мы найдем такой связанный со свободой компонент гуманизма, как равноправие. Об этой ценности А. В. Соколов вообще не говорит. Или это не гуманистическая ценность? Без утверждения в обществе принципа равноправия жизнь превращается в «войну всех против всех» (Т. Гоббс).

Центральное место в формуле гуманизма А. В. Соколов отводит альтруизму — этому весьма таинственному феномену, о котором философы без особого успеха спорят до сих пор. Альтруизм есть ядро гуманизма, потому что именно он *«предопределяет цели гуманистической деятельности... он нацелен на компенсацию исходного природно-социального неравенства и обеспечение социальной справедливости... мерой альтруизма гражданина является ощущение ответственности за своё поведение»*.

Антиподом альтруизма традиционно выступает эгоизм, и Аркадий Васильевич следует этой бинарной этической конструкции «добра и зла».

Трудно согласиться с тем, что именно альтруизм направлен на обеспечение социальной справедливости. Получается, что если где-то нет альтруистов, или их недостаток, то там не будет и социальной справедливости. Весьма опасно отдавать на откуп социальную справедливость такой тонкой психологической материи как альтруизм, тем более что мерой альтруизма гражданина предлагается считать *«ощущение ответственности за своё поведение»*. Я бы «поручил» решать вопрос о социальной справедливости только правовой системе на основе категории «равноправие». Ведь представления о справедливости и ответственности весьма часто у людей не совпадают.

Об альтруистах и эгоистах написаны сотни научных, публицистических и даже художественных произведений. Ведь все мы несём в себе и регулярно проявляем в «столкновении» с миром эти родовые качества человека. Кто такой альтруист? Тот, кто за счёт своих сил и средств бескорыстно помогает другим. Эгоист его полная противоположность: он использует других людей в собственных целях. Меня не удовлетворяет эта простая формула деления людей на эгоистов и альтруистов. Полагаю, среди людей есть много тех, кого по своей этической сущности можно назвать индивидуалистами. Их часто отождествляют с эгоистами, с чем я решительно не согласен. Индивидуализм чаще всего рассматривается как оппозиция коллективизму, но это не помешает нам посмотреть на этот феномен в ряду этических категорий.

Построим морально-этический континуум на двух координатных осях. По горизонтальной оси отложим направленность наших «устремлений» в диспозиции: «для себя» или «для других». Ведь каждый из нас всегда делает что-то «для себя» (эгоизм?), а что-то — «для других» (альтруизм?). А по вертикальной оси отложим «ресурсы», за счёт которых реализуются наши цели. Цель можно достичь, используя только собственные ресурсы (силы, средства, время, и т. д.), а можно использовать ресурсы других людей для достижения своих целей. В результате получим четыре логические формулы.

1) Индивидуализм: «для себя за счёт себя».

Подобную деятельность невозможно признать эгоизмом в предложенной системе координат. Она, как видим, занимает своё собственное место, располагаясь между альтруизмом и эгоизмом. Эта абсолютно нормальная (в этическом смысле) позиция гражданина. Каждый из нас должен стремиться жить за счёт собственных усилий. Это и есть та пресловутая личная социальная ответственность, которой так не хватает российскому человеку. Надеяться надо в первую очередь только на себя, и эта максима вполне вписывается в моё понимание гуманизма. Гуманист готов самостоятельно осуществлять все свои права и свободы, он не требует от других людей или государства, чтобы оно это делало за него. Задача государства — только убирать препятствия с пути осуществления гражданами своих законных прав и свобод.

2) Эгоизм: «для себя за счёт других».

Критерием эгоизма служит то, что человек использует других людей для достижения своих целей. Гуманизм против такой позиции: никто против своей воли не может быть использован в качестве средства для достижения чужой цели. Рабство и крепостничество «по закону» постепенно уходят в историю, но использование человека в так называемых государственных целях практикуется до сих пор: у нас большой советский опыт, основанный на приоритете государства, а не человека. И сегодня мы видим, как трудно гражданину противостоять в суде государству, борясь за свои права. Ради справедливости, следует сказать, что нрав нашего государства постепенно смягчился: от «государственного бандитизма» мы перешли, скажем так, к «государственному эгоизму». Явный прогресс.

3) Альтруизм: «для других за счёт себя».

Феномен альтруизма возникает, когда один человек тратит часть своей жизни ради другого человека. Для кого-то это внутренняя потребность и удовольствие (таких, природных альтруистов, надо полагать, примерно одинаковый процент в любой стране), для кого-то это сознательный выбор этической позиции. Во все профессии социальной направленности заложено зерно альтруизма, ибо ни одна инструкция не заставит человека максимально «тратить» себя ради пациента, ученика, или читателя. Другое дело, что государство не поддерживает своей правовой системой альтруистически ориентированные профессии, скорее наоборот: последовательно осложняет жизнь и деятельность своих врачей, учителей, библиотекарей.

Альтруизм — это личная благотворительность, добровольчество и волонтерство. Это «Тимур и его команда». Кстати, количество добровольных помощников (точнее, время, которое они затрачивают на помощь другим людям) прекрасно говорит о нравственном здоровье той или иной страны. В нашей стране помогать другим людям пока не очень любят, зато есть героини-одиночки (как мужчины, так и женщины), воспитывающие по 20–30 чужих детей. Но они не считают свою жизнь героической, не ищут выгоды, просто по-другому.

му не могут: это их личный закон жизни.

Будем очень внимательны к альтруизму: у него есть свои сильные теневые стороны. Если кто-то из самых добрых побуждений каждый день будет кормить меня пирожными, мне это быстро надоест. Альтруистическая забота может переродиться в эгоизм, и даже прямое насилие. Неразделённая любовь чаще всего эгоистична, а не альтруистична («...Как дай вам Бог любимой быть другим»). Искренний порыв может оказаться сделкой с собственной совестью: «Я тебе — свечку, ты мне — выполнение желаний».⁵ Вышел из церкви, подал копеечку и... пошёл в кабак. Привычка к помощи «других» часто приводит к иждивенчеству, особенно, если в роли «другого» выступает государство. Так что лично я «голосую» за альтруизм в весьма умеренных дозах. Не могу признать его вслед за А. В. Соколовым ядром (сущностью) гуманизма.

4) Для других за счёт других, — это..?

Над четвёртым вариантом я продолжаю размышлять. Что это за феномен: «для других за счёт других»? Исходя их схемы видно, что он парадоксальным образом соединяет в себе элементы эгоизма и альтруизма. Под эту формулу подпадает деятельность благотворительных организаций, которые собирают средства у одних «других» (тех, кто в силу разных причин готов жертвовать) и раздают их «другим другим» (тем, кто нуждается в поддержке). Каждый из нас в зависимости от ситуации может стать или одним «другим» или другим «другим». Подпадают под этот класс и «благородные» разбойники всех народов и мастей: отобрать у богатеев и раздать бедным. Да и просто бандиты в новейшее время активно жертвуют часть награбленного, чаще всего — на церковные нужды. Отражает эта формула и деятельность государства, направленную на производство общественных благ. Сначала государство собирает со всех нас налоги («за счёт других»), потом возвращает их нам («для других») в виде социальных услуг в сфере культуры, образования, здравоохранения... Странная ситуация: феномен есть, а термина для его обозначения нет.

Гуманизм и библиотека

По мнению философа и социолога Ж. Т. Тощенко, главной характеристикой современного общественного сознания является его антиномичность, то есть существование реальной коллизии, когда основные мировоззрения и действия противостоят, взаимоисключают друг друга, но при этом одновременно сосуществуют, так как имеют под собой объективную основу.⁶ Гуманизм и антигуманизм действуют одновременно на одном «поле» — и в душе отдельного человека, и в общественном сознании, и в окружающей действительности. Между этими векторами существует перманентный «конфликт», в разрешении которого участвуют как отдельные личности, так и социальные институты — в том числе библиотека и библиотекари.

Мария Черняк в своей статье⁷ весьма уместно напоминает слова О. Мандельштама о том, что бывают эпохи которых «нет дела до человека». Добавим, что такие эпохи создают сами люди и их государства. Все новейшие модернизационные попытки будут обречены на провал, пока российское государство, его правовая система не начнут «повесться» масштабом человека. То есть — гуманизмом. Пока само общество не примет в качестве своего мировоззрения гуманистические ценности. Примитивная картина мира, в которой национальной идеей стал успех любой ценой, каждый день убивает человеческое в человеке, разрушает российское общество и государство. Необходимо постепенно «восстановить» из нравственного и правового «пепла»: в каждом человеке есть гражданские силы для этого, пора приводить их в действие. В том числе и с помощью библиотечной системы страны.

А. В. Соколов поднял сложнейшую проблему, предложил свою формулу гуманизма. На мой взгляд, на статус одной из универсальных гуманистических ценностей может претендовать пока только один компонент этой формулы. Это — **свобода**. Удивительно, но как библиотечная категория, свобода ещё не стала предметом специального изучения. Моя мысль направлена на то, чтобы категория гуманизма «читалась» нами не только как этическая, но и как правовая проблема. Если этого не сделать, то библиотечный гуманизм станет очевидным благом пожеланием.

Но чтобы стать элементом права, гуманизм должен ответить на свои собственные, аксиологические вопросы. Сегодня нужна коллективная работа над созданием универсальной системы гуманистических ценностей, которая может непротиворечиво соединить интересы человека, общества и государства в едином этико-правовом пространстве.

Формирование гуманистической библиотеки для современного общества — это идеальная цель для неидеальных людей. Человек счастлив, когда ему удастся проявить заложенные в нём способности. Гуманизм в состоянии помочь многим людям реализовать свои таланты. В том числе и читателям наших библиотек. При условии, если сами библиотеки научатся работать на основе безупречной системы гуманистических ценностей, к которым я отношу свободу, равноправие и демократию.⁸ Я уверен, что разговор о гуманизме, который ведут авторы журнала «Библиотечное дело», будет продолжен, ведь мы начинаем постепенно понимать: решить проблему «гуманизм и библиотека» можно только совместными усилиями.

С автором можно связаться:
basov@nlr.ru

¹ Читайте в этом номере статью А. В. Соколова «Библиотечный гуманизм и гуманистическая миссия библиотек в информационном обществе».

² Куницын А. П. Право естественное. — СПб., 1818. — Т. 1. — С. 21.

³ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. — Москва, 1908. — 224 с.

⁴ Егоров С. Н. Аксиоматические основы теории права. — СПб, 2001. — С. 67.

⁵ Губин Д. Акции царства небесного // Огонёк. — 2009. — №7. — С. 12–13.

⁶ Тощенко Ж. Т. Антиномия — новая характеристика общественного сознания в современной России // Социологические исследования. — 2010. №12. — С. 3–15.

⁷ Читайте в этом номере статью: Черняк М. «Человек хорош, обстоятельства плохи»: кризис гуманизма в эпоху постмодерна.

⁸ См.: Егоров С. Н., Басов С. А. Гуманизм: От Манифеста — к Конституции России. — СПб., 2011. — 91 с.

Автор рассматривает гуманизм в свете современных этических норм и современного законодательства.

Гуманизм, библиотечное дело

The author examines the humanism in the light of modern ethics and modern legislation.

Humanism, librarianship

ИРИНА ТИХОМИРОВА

Новый вектор развития российских библиотек, или Гуманно мыслить научить

Гуманизм — человечность, любовь к людям и забота об их благе как основа человеческих взаимоотношений и общественной деятельности

Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998

Нам важно сохранить не только отдельные примеры проявления гуманности, но и целые социальные институты гуманистические по своей сути. К таким институтам, пока ещё не утратившим в погоне за информационными технологиями своего гуманистического назначения, мы вправе отнести библиотеку, которую иногда называют заповедником человечности

Ирина Ивановна Тихомирова, доцент кафедры детской литературы СПбГУКИ, кандидат педагогических наук, Санкт-Петербург

В СВОЕЙ недавней статье «Отступить некуда» (ЛГ. — 2011, — №25) Даниил Гранин поставил вопрос о необходимости создания новой идеи жизни в российском обществе, которая была бы не спущена сверху, не заимствована у Запада, а родилась спонтанно из опыта жизни россиян, их традиций, и отвечала бы насущной потребности большинства. Такой идеей, пока мало осознанной людьми, является, по его мнению, **сострадание** как основа человеческих взаимоотношений.

Сострадание и близкие ему слова **милосердие, доброжелательность, человеколюбие** — говорящие о душевной щедрости человека, составляют в совокупности понятие «гуманизм». Возвеличение в Человеке человечности обусловило эпоху Возрождения в Европе и дал миру такие имена, как Петрарка, Данте, Леонардо да Винчи, Монтень, Шекспир и др. Великие гуманисты были и в России. Среди них мы вправе назвать имя Белинского, 200 лет со дня рождения которого в этом году отметила страна и которому Некрасов посвятил следующие строки: *«Ты нас гуманно мыслить научил»*.

Гуманность Белинского была неразрывно связана с русской литературой, которая взяла на себя миссию по защите и пропаганде гуманистических ценностей и смыслов, стала оплотом национального самосознания. Белинский как талантливый читатель и литературный критик сумел вскрыть гуманистический пафос русской классики, показать, что гуманность является исконно русской чертой характера.

Сегодня на фоне общего упадка культуры мы снова вспоминаем о гуманизме. Именно в нём видится залог будущего процветания России. Заметным явлением стало возникновение общественного Гуманистического движения, которое на данный момент имеет свой сайт, манифест, проект конституции и призывает начать созидательную работу по утверждению гуманистических основ жизни в стране. (См. С. Н. Егоров, С. А. Басов. Гуманизм. — СПб., 2011.) Действовать надо безотлагательно, пока не иссякли примеры гуманизма в российском обществе. *«Есть такие люди и примеры среди нас, — сказал Гранин, — они и могут быть опорой современному человеку как святые в России когда-то»*.

К словам писателя мне захотелось добавить: сохранились в сегодняшней России не только отдельные примеры проявления гуманности, но и целые социальные институты гуманистические по своей сути. К таким институтам, пока ещё не утратившим в погоне за информационными технологиями и оцифровкой фондов своего гуманистического назначения, мы вправе отнести библиотеку, которую иногда называют заповедником человечности. Она вобрала в себя неисчислимые сокровища искусства слова, способные пробуждать в читателе «чувства добрые».

Задача поддержки чтения — не как обязанности, не как деятельности по поддержанию функциональной грамотности, а как органичной части жизни, обновляющей и облагораживающей душу, — лежит на плечах библиотекаря. Не случайно в окончательный вариант принятого на Тюменском съезде РБА

«Кодекса этики российского библиотекаря», включено положение: *«Гуманизм является мировоззренческой основой библиотечной профессии»*. Это положение побуждает библиотекарей повернуться лицом к Человеку, признать, что библиотека — это не технологии, не сфера бытовых услуг, а институт, ответственный за сохранение и развитие культуры, формирующий посредством книги и чтения ментальность и духовную жизнь народа. Сама профессия «библиотекарь», по определению профессора В. А. Бородиной, — человековедческая и человекопомогающая.

Важно заметить, что движение за гуманизацию библиотеки как социального института началось в России много раньше, чем слово «гуманизм» появилось в новом Кодексе. Оно началось десятилетия назад, и у его истоков стояли как теоретики библиотечного дела (А. В. Соколов, С. А. Басов, В. П. Леонов и др.), так и практики. Это движение возникло как противовес технократической тенденции в развитии библиотек. Особенно активно отстаивали гуманистическое направление библиотечной деятельности детские библиотеки. Мне как составителю сборника «Растим читателя-творца» (2009) удалось собрать материал из 16 российских детских библиотек, в центре работы которых находится гуманизм.

Обращает на себя внимание состоявшаяся в апреле этого года на базе Тамбовской областной детской библиотеки Межрегиональная научно-практическая конференция «Развитие гуманистической миссии детской библиотек в условиях информационного общества». На неё съехались российские библиотекари, накопившие значительный опыт в этой работе. Конференция подтвердила роль библиотеки как лидера в борьбе за гуманизацию подрастающего поколения — в противовес технократическому направлению развития детских библиотек. Конференция не ставила своей задачей определить место детской библиотеки в информационном обществе; её задачей было заявить о том, что это место уже найдено, что библиотека является ключевым звеном в деле гуманизации подрастающего поколения.

Признание гуманизма нравственной основой библиотечной профессии и главным направлением деятельности за-

даёт новый вектор развития российских публичных библиотек.

Актуальность человечности

В чём же актуальность названного вектора?

Люди ищут альтернативу бездуховному, антигуманному, насыщенному насилием существованию. Редкий выпуск новостей на радио или телевидении обходится без слов: «убил», «уничтожил», «взорвал», «изнасиловал», «ограбил», «напал». Они звучат в разы чаще, чем слова: «помог», «спас», «поддержал», «защитил», «обрадовал». Особенно болезненно реагируют на такой негатив родители, беспокоящиеся о будущем своих детей и теряющие уверенность в завтрашнем дне. Резко снижается элементарная воспитанность детей, растут наркомания, алкоголизм, преступность.

Нередко становится агрессивным и поведение самих родителей. На одной из конференций я услышала: ежегодно в России около 2 миллионов детей в возрасте до 14 лет избиваются родителями; за год более 50 тысяч детей уходят из дома, спасаясь от собственных родителей; 25 тысяч несовершеннолетних находятся в розыске. Тема насилия, вандализма, аморальных проявлений, в том числе и в среде подростков, становится центральной для СМИ, эти процессы невозможно игнорировать. Большой урон нравственности наносит Интернет, сайты, пропагандирующие жестокость, насилие, преступное поведение. Нельзя умолчать и о разрушительном воздействии на детей тестовой системы обучения, направленной на подготовку к ЕГЭ. В рамках школьного урока, который превратился в образовательную услугу, учителя не справляются с воспитанием детей.

Отрицательно сказывается на моральном облике нынешних детей сформированный самой жизнью негативное отношение к чтению, сведение его, с одной стороны, к способу получения информации, обретения функциональной грамотности, с другой — к способу пустого развлечения. Наблюдается всплеск антигуманной псевдолитературы (разного рода ужастиков, триллеров, книг про ведьм, мутантов и колдунов). Специалисты отмечают снижение «обратной связи» у читателей подобных книг, чувственную глухоту по отношению к Слову.

Говоря о социальных проблемах, нельзя сбрасывать со счетов имеющийся место раскол общества на чудовищно богатых и чудовищно бедных, что сеет вражду не только между взрослыми, но и среди детей. Усугубляет ситуацию проникновение в семью и школу рыночных отношений, культа денег, наживы, навязывание потребительской модели поведения. Да и сам постмодернизм — философия «расчеловеченного» индивидуума — предполагает, что человек живёт не для других, а только для себя.

Всё это свидетельствует о том, что и взрослые, и дети нуждаются в защите и поддержке. Им нужна психологическая поддержка, которая дала бы им силы сопротивляться антигуманизму, помогала обрести подлинные ценности и смыслы. И здесь на передний план выходит библиотека с её бесплатными гуманистическими ресурсами.

Библиотека остаётся, по сути, единственным социальным институтом, не включённым в рыночные отношения, способным гуманизировать и одухотворять через книгу и чтение, объединять людей, влиять на качество духовной жизни. Библиотека не в силах увеличить продовольственную корзину на душу населения, но она может и должна, используя свои ресурсы и возможности, оказывать влияние на духовные силы своих посетителей, нести в жизнь гуманистические идеи, возвышать, направлять энергию человека на созидание. Общественное значение этого влияния огромно. Вспомним слова А. Солженицына: *«Если в нации иссякли духовные силы — никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасет её от смерти, с гнилым дуплом дерево не стоит»*.

С чего начать?

Гуманистическое влияние библиотеки на её посетителей начинается с **культуры пространства** библиотеки. Читающих посетителей манит сама атмосфера библиотеки, обилие книг, их упорядоченность, радушие, с каким принимают здесь каждого. Сама внутренняя среда библиотеки, как правило, успокаивает, располагает к неторопливой беседе и размышлениям. В библиотеке есть возможность углубиться в чтение, отдохнуть, пообщаться. В каком бы внутреннем состоянии ни пришёл человек в

библиотеку, если ему в руки дали хорошую книгу и поговорили с ним «по-человечески», он уходит из неё умиротворённый.

Другая гуманизирующая черта библиотеки кроется в специфике **библиотечного общения**. Оно особое. Его правильнее было бы назвать не диалогом, а триологом, ибо в нём всегда есть место третьему участнику — печатному слову. Библиотечное общение тем и отличается от всякого другого, что в нём, кроме библиотекаря и потенциального читателя, задействован немой свидетель, он же и адвокат, и судья, и прокурор, и врач в одном лице. Этим многоликим участником является книга. Немая на полке, она в руках библиотекаря становится говорящей, и говорит она именно о тех проблемах, которые волнуют пришедшего в библиотеку человека. Хорошая книга несёт в себе негласное обещание всколыхнуть душу читателя радостью жизни, дать ему почувствовать себя человеком, помогает задуматься о самом себе и окружающих людях, укрепить гуманное отношение к миру.

Библиотечное общение, проникнутое гуманизмом, включает в себя одновременно и **педагогическое, воспитательное начало**, то есть передачу опыта культуры, системы ценностей и смыслов от одного поколения к другому. Библиотека не повторяет методику школьных уроков. Её подход к литературе и самому ребёнку совсем иной, чем у учителя. Для библиотекаря литература это отражённая в художественных образах жизнь, ребёнок для него не ученик такого-то класса, успевающий или неуспевающий по конкретным предметам, не носитель школьных оценок, а субъект культуры и общественных отношений. С помощью литературы, пробуждающей гуманные чувства и светлые мысли, библиотекарь не только помогает ребёнку адаптироваться к условиям существующего социума (социализация), но и стремится изменить его к лучшему, очеловечивать его.

Говоря о педагогической функции библиотеки, стоит напомнить, что VI съезд Всероссийского педагогического собрания, состоявшийся 31 мая этого года в Москве, принял решение присвоить школьному библиотекарю статус «Педагог-библиотекарь». Это решение подтверждено и конкретизировано

в Приказе Министра здравоохранения и социального развития Т. А. Голиковой (См.: «Библиотека в школе» . — 2011. — №13. — С. 4-5). Данное событие имеет большое значение для библиотечного дела, ибо тем самым признаётся и утверждается педагогическая сущность нашей профессии, основанная на методах библиотечной педагогики — педагогики гуманизации книгой.

Социальная жизнь невозможна без образцов — устойчивых представлений о том, каким должны быть люди. Эти образцы помогают человеку оценивать своё поведение и поведение окружающих с позиции «хорошо», «плохо», «нравится», «не нравится». Искусство предлагает нам прекрасные образцы любви к ближнему, любви к жизни, самопожертвования, на которые хочется равняться, и даёт примеры отталкивающего поведения, создаёт отталкивающие образы антигероев, тем самым отвращая от определённых действий. (Интересно в разговоре с подростками сравнить **шайку** Квакина и **команду** Тимура, слова **«вожак»** и **«командир»** — в чём разница?)

Полезно отметить ещё одну функцию художественной литературы — функцию «отказа». Она помогает индивиду сформировать критическое восприятие бытующих на данный момент в обществе ценностей и предлагает взамен иные ценности, отвечающие высокому предназначению человека. Искусство формирует ростки нового понимания мира, помогает увидеть те социальные идеалы, которые следовало бы воплотить в жизнь. На укрепление в детях этих ростков и направлена библиотечная педагогика.

От гуманизма-мировоззрения, к гуманизму-деятельности

Гуманизм как основа мировоззрения библиотекаря может остаться вещью в себе, если мы не осознаем, что гуманизм является целью библиотечной работы. Красивая фраза из «Кодекса российского библиотекаря» может повиснуть в воздухе, если не будет претворена в ежедневной практической деятельности, встроена в систему задач, соотнесена с реальным человеком и соответствующей литературой. Разработка программы деятельности требует совместных усилий библиотечных теоретиков и

практиков. Она может родиться в дискуссиях, базироваться на уже имеющемся опыте.

Большая доля нагрузки ложится на библиографов, которые ответственны по отбору литературы гуманистического содержания и рекомендации её читателям. Полезно вспомнить при этом опыт корифеев рекомендательной библиографии художественной литературы, таких как С. Трубников, Н. Добрынина, А. Горбунов, Ю. Зубов, З. Шалашова и др. Классиком рекомендации книг по искусству можно назвать библиографа Е. Левину. Много полезного библиотекарь-практик может почерпнуть из библиотечных журналов, на страницах которых можно найти много методических советов по продвижению книги и чтения в среду читающих и не читающих людей.

Определённую помощь могут оказать практические пособия, посвящённые жизни замечательных людей, обративший свой талант на служению людям. Достоин внимания и опыт продвижения в библиотеках разных видов искусства. Главное в созидательной работе по внесению гуманистических идеалов в реальную жизнь я вижу в том, чтобы привести в действие основной библиотечный ресурс гуманизма, называемый классической литературой, — ресурс, стоящей сегодня на полках мёртвым грузом. Она выключена из общественного пользования и самосознания нации. Её обошла вниманием «Программа поддержки и развития чтения в Российской Федерации». Мы не найдём её и в программе «Духовно-нравственное воспитание школьников». Негативную роль в отторжении детей от классики, как известно, сыграла современная система школьного преподавания литературы, грозящая превратиться в проблему государственной безопасности страны. Чтобы возродить к жизни этот богатейший гуманистический ресурс, надо возродить методическую систему работы с классикой, чем в былые времена сильна была российская библиотечная методика, созданная Н. А. Рубакиным.

Библиотечная методика умела соотносить вечные вопросы, поднимаемые классическими произведениями, с проблемами дня текущего, показать, что ценности, заложенные в классике, не устаревают. Из старых пособий в пол-

ной мере сохранило своё педагогическое значение пособие Л. Р. Когана «Библиотечная работа с художественной литературой» (1931). Что касается работы с детской аудиторией, то я бы обратила внимание библиотекарей на одно из лучших пособий советского периода — пособие Л. А. Ольшевской «Как привлечь школьников 7-8 классов к чтению русской классической литературы» (Л, 1967) и Л. И. Бельской «Ребёнок и книга» (М., 1969), переизданной в 2005 году. Если же говорить о новых изданиях, то хочу назвать методическое пособие Г. Н. Пальгубовой «На лесенке у книжных полок. Чтение — дарение» (2011). Ценный опыт накоплен в отдельных областных детско-юношеских библиотеках, например, в Мурманской, Челябинской, Белгородской, Липецкой, Орловской и др.

Гуманистическая модель деятельности библиотек, работающих с детьми, отражена в пособии для руководителей детским чтением И. Н. Тимофеевой «Дети. Время. Книга» (2009) и в учебном пособии И. И. Тихомировой «Библиотечная педагогика или воспитание книгой» (2011). Этому направлению посвящены статьи библиотекаря из города Сарова Нижегородской области Т. М. Плохотник, статьи Н. К. Сафоновой из Челябинска и многих других библиотекарей Уральского региона. Опыт чтения классики в детские годы, его влияние на развитие творческих способностей читателя отражены в хрестоматии «Школа чтения» (2007). Говоря о роли классической литературы, нельзя не упомянуть книги В. А. Левидова «Художественная классика как средство духовного возрождения» (СПб., 1996), поднимающую вопросы методологии гуманизации человека «экологически чистым искусством».

Основное звено в работе с классической литературой для библиотекаря-гуманиста я вижу в том, чтобы пробудить у читателей интерес к Человеку, отражённый в литературных произведениях, а вместе с ним к реальному человеку и к своему собственному «Я». Как известно, в центре внимания художественной литературы находится человеческая личность, её внутренний мир, мотивации, отношение к другим людям. Художественная литература с помощью образов даёт возможность понять, что

такое Человек и общество. Нельзя пройти мимо и авторской позиции в книге: именно автор предлагает читателю идеал — каким должен быть и каков есть человек, имеющий право называть себя Человеком. Благодаря великой литературе человек обретает возможность жить жизнью героев прочитанных книг. Художественная литература открывает нам самое важное, самое существенное в человеке, то, что сам он высказать о себе не в силах. Литература, если она не суррогат, воздействует через художественный образ на чувства читателя. Отсюда задача — будить сопереживание к литературным героям, рассматривать процесс чтения как тренинг по состраданию, помогающий сформировать отношение к реальным людям.

Другим важнейшим направлением в работе с классикой является соотнесение её с сегодняшним днём и с опытом читателя. Не абстракцию должен видеть в литературе читатель, а ответ на насущные вопросы бытия: кто он, зачем он, как жить ему среди людей и что он может дать им? Опыт психолога Е. Л. Гончаровой показал: способность претворять содержание текста в свой личный опыт проявляется в простейших своих формах уже у дошкольников. Здесь же формируется способность к диалогу с автором, содействие и сопереживание героям, способность к преодолению простейших проблемных ситуаций.

И ещё: посредством художественной литературы и её инструмента — Слова — библиотека способна будить творческие силы читателей, растить в кружках, клубах по интересам, творческих объединениях творческих личностей, созидателей. Доказано (см. упомянутую книгу «Растим читателя-творца»), что художественный образ действует на воображение, с которого и начинается творчество ребёнка, благодаря ему расцветает его природный дар.

Главным двигателем идеи гуманизма является библиотекарь, заражённый идеей гуманизма, увлечённый поставленной задачей. Он противостоит разрыву реальных социальных связей и той угрозе дегуманизации, которую несёт в себе технократия. Библиотекарь-гуманист способен через каждодневное взаимодействие с читателем изменять общество. Для того чтобы это произошло, необходимо усилить психолого-педаго-

гическую и общегуманитарную составляющие профессиональной подготовки библиотекаря, сделать акцент на человеке. Нужно согласиться с тем выводом, что делает С. А. Езова в своей статье «О гуманизации общения, или как жить в гармонии с читателем» (Библиотека. — 2011. — №7. — С. 13–14): «Путь формирования гуманных отношений в библиотеке лежит через развитие у библиотекаря этической и коммуникативной культуры».

Нам предстоит осмыслить всю совокупность проблем, связанных с гуманизацией библиотечной деятельности, найти возможность использования творческого потенциала библиотекарей-гуманистов, создать базу данных инновационных идей и достижений в этой области. Поставленная перед библиотечным сообществом самой жизнью задача нуждается в обсуждении как на страницах профессиональной печати, так и в форме специальных конференций, семинаров, круглых столов. Выдвижение гуманизма на повестку дня работы библиотеки — это не анахронизм и не отказ от компьютера, Интернета и блогосферы. Гуманизм — это залог спасения библиотеки как социального института, а вместе с ним спасение духовности нации. Что касается технологических инноваций, то при всей важности, я думаю, их нельзя считать целью библиотеки. Они, скорее, средство для успешного осуществления социально значимого библиотечного творчества, направленного на реализацию гуманистических ресурсов и доведения их до сознания людей. А что думают об этой позиции другие? Не здесь ли кроется возрождение интереса к библиотеке в России и ответ на вопрос, какой быть библиотеке в информационном обществе?

С автором можно связаться:
next84@list.ru

Гуманистическое влияние библиотеки на поколение современных читателей.

Гуманизм, миссия библиотеки, чтение

The humanistic influence of library on a generation of contemporary readers.

Humanism, the mission of the library, reading

ТЕРЕЗА БРАЖЕ

Гуманизм в новейшей русской и зарубежной литературе

как противовес агрессивности и нравственному утилитаризму личности

Что подразумеваем мы, говоря о гуманизме? Как обходилась с этим понятием литература классическая, присутствует ли гуманизм в новейшей литературе, и если да, то как трактуют современные писатели это понятие?

Тереза Георгиевна Браже, профессор кафедры социального образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ

ГУМАНИЗМ — категория вечная. Мы сталкиваемся с ним не только в эпоху гуманизма, когда он стал господствующим мировосприятием; он существовал в разных странах и в разные времена, хотя проявлялся по-разному. В России времена редко бывали благодетными, но Пушкин в век, который он назвал «жестоким», «восславил свободу и милость к падшим призывал»; Некрасов называл свои стихи «свидетели живые за мир пролитых слёз». В произведениях Льва Толстого высока частотность таких выражений, как «стыдно, совестно думать о своей пользе», о себе в первую очередь. Но то классика, высочайший образец гуманизма. Наличествует ли он в литературе новейшей, создающейся во времена воинствующего прагматизма? Или борьба за выживание, **утилитаризм как тип нравственности** (так философ Е. Н. Яркова назвала свою статью в журнале «Вопросы философии», №8 за 2005 год) не объединяет, а разъединяет людей? Даже в эпоху глобализации, когда общечеловеческие ценности становятся «утопией», пусть и «необходимой» (название статьи Жака Делора, комиссара ЮНЕСКО по образованию, опубликованной в журнале «Педагогика», №5 за 1998 год)?

Потребность в гуманизме возрастает тогда, когда нарушается равновесие добра и зла (хотя идеального равновесия не было никогда, даже во времена Христа). Гуманизм даёт личности силы для противостояния миру насилия и несправедливости, необходимую духовную «подпитку», становится залогом гармоничного развития. Обогащению духовного мира личности во многом содей-

ствует чтение произведений, в которых гуманизм проявляется в авторской позиции и в позиции героев.

Можно ли говорить о гуманизме в литературе 1990–2000-х годов? Безусловно, причём гуманизм этот отнюдь не лёгковесный и не подчищенный.

Человек есть человек

Мне уже приходилось писать о произведениях Ирины Стекол (см., например, книгу «Чтение взрослых как фактор влияния на развитие личности», СПб., АППО, 2010), о её «Рассказах для Анны». Она начала печататься в московских журналах в конце 1980-х годов, в 1991 эмигрировала в Германию, мылась там сиделкой, мыла полы в чужих домах. Этот опыт писательница отразила в своих рассказах. В 2002 году они были напечатаны в «Новом мире», а в 2010 году вошли в её сборник «Уйти нельзя остаться», где получили каждый своё название, что, на мой взгляд, несколько упростило их замысел, как и замысел всей дилогии, которую они изначально составляли.

В первом из «Рассказов для Анны» — «Собака и женщина в предлагаемых обстоятельствах» — ситуация такова: Анна Байрль, профессор музыки, воспитавшая многих талантливых музыкантов, в том числе всемирно известную Йошико Кавамото, впала в беспамятство. Она не отдаёт себе отчёта в своих действиях, но даже в таком состоянии пытается заниматься любимым делом, учить музыке свою сиделку. Лишь изредка, глядя на фотографии, вспоминает: «Где мама, где Тилли?» Она не может вспомнить свою старую больную собаку Дуню, которую усыпляют, но гладит ладошкой экран

телевизора, если там показывают ре-
бёнка, и переживает, увидев репортаж
об урагане в Калифорнии. Когда её при-

нимаются успокаивать, что это далеко,
она сердито возражает: «Какая разница,
где это происходит? Человек есть че-
ловек! Mensch ist Mensch!» Это ключе-
вые слова рассказа. Именно Анна — её
имя в переводе с иврита означает «бла-
годать», «милость» — не забывает об
этой простой и важной истине.

Её ученица Иошико перепоручает
заботу об Анне сиделке, а затем женщи-
ну отправляют в специальный приют,
фактически отправляют умирать — так
же, как до этого ветеринар обрёл на
мучительную смерть собаку Дуню, сде-
лав ей смертный укол без снотворного.

Воспоминания об этой удивительной
женщине и её собаке живут в сердце си-
делки. Память об ушедших, любовь к
человеку страждущему, беспомощному,
пусть и тяжёлому в общении, но страж-
дущему и беспомощному и есть мило-
сердие, основа гуманизма. Слова «люб-
лю тебя», «ты мой ангел», «Анна лю-
бит...» и подобные им повторяются в
рассказе неоднократно. Это история о
том, как сходно в «предлагаемых
жизнью обстоятельствах» ведут себя
японка Иошико и ветеринар-немец, о
том, как возникает близость между не-
мкой Анной Байрль и сиделкой, имени
и национальности которой мы не знаем.
Так чьи же это ценности — русские, не-
мецкие? И антигуманизм — чей? Япон-
ский, немецкий, западный? Или тоже
наднациональный, личностный?

«Анна и её собака оказываются в
предлагаемых обстоятельствах. И не
только жизнь предлагает им эти об-
стоятельства: старение, болезнь,
смерть, но и люди, которые обрекают
их на одиночество, безысходную тоску,
насилованную смерть!...!». «Кто-то
определил эти обстоятельства. Не
всесилен человек, но он человек. /.../
судьба, господь Бог, кто-то ещё опре-
делил обстоятельства, но человек
должен оставаться человеком...», «...
предлог “для” имеет смысл: жить для
кого-то, делать для кого-то... Часто
ли мы в жизни делаем что-либо для
чьего-то блага?», — пишет в своей ра-
боте одна из читательниц этого расска-
за.

Действие романа «Степные боги»
Андрея Геласимова происходит в августе
1945 года. Советские войска в преддверии
войны с Японией подтягиваются на
Дальний Восток. Там, рядом с деревуш-
кой, где живут герои романа: мальчиш-
ки-безотцовщина, их деды и бабки, — на-
ходится лагерь японцев, попавших в
плен ещё в конце 1930-х, в ходе войны
под Халхин-Голом. Кого-то из японских
солдат сразу обменяли на наших плен-

ных, а кто-то остался работать на руд-
никах, где позднее обнаружат уран. Сре-
ди последних — доктор Хиротаро, кото-
рый мог попасть в партию для обмена,
но остался, чтобы помочь больному
другу. Доктор Хиротаро собирает мест-
ные травы, изучает их действие на своих

товарищей, а заодно и на болеющих рус-
ских офицерах и солдатах охраны. Он
лечит — и успешно — как японцев, так
и своих надсмотрщиков, ведёт в тетради
записи, делает зарисовки растений. За-
тем один из охранников отбирает у него
тетрадь с рисунками, записями и родо-
словной рода самураев Хиротаро.
Игравший рядом с лагерем и подружив-
шийся с врачом Петька сохраняет эту
тетрадь, зная, как дорожит ею японец.
Отпущенный по окончании войны док-
тор Хиротаро издаёт в Японии книгу
«Лечебные травы Дальнего Востока» и
присылает её мальчику, ставшему гео-
логом и работающему на тех же урано-
вых рудниках.

Степные боги — это не только ста-
рые амулеты, духи степных растений и
животных, это ещё и дух доброжела-
тельства, живущий в сердцах героев
этой книги, не только японцев, но и рус-
ских. Андрей Геласимов посвятил этот
роман своим землякам, деду, отцу и дядь-
ям, участвовавшим в Отечественной
войне. Память о предках, о тех, кто жил
на этой земле бок о бок, о «своих» и «чу-
жих», осмысление опыта их жизни, —
это, по версии автора, одно из проявле-
ний и основ гуманизма.

Трудный гуманизм

Произведения В. П. Астафьева по-
следних лет о войне относят к жёсткому
реализму. Их нередко не принимают —
в силу инстинкта самосохранения или
иных причин, — не замечая в них того
нового мотива, которым они прониза-
ны.

В «Весёлом солдате» трижды — в са-
мом начале в первых строках текста и
самом конце романа — повторяется с
некоторыми вариациями одна и та же
фраза. «Четырнадцатого сентября од-
на тысяча девятьсот сорок четвёрто-
го года я убил человека. Немца. Фаши-
ста. На войне». «Четырнадцатого сен-
тября одна тысяча девятьсот сорок
четвёртого года я убил человека.
В Польше. На картофельном поле». В
конце книги эта фраза появляется в
контексте размышлений о том, насколько
трудно изживается память о войне —
как русскими, так и немецким народом.

В романе рассказывается о тяжёлой
атаке на Дукельском перевале. Немец-
кий снайпер метким выстрелом убил ко-
мандира взвода. Часть солдат сплохо-
↳

вала. Рассказчик вспоминает о том, как целился в старого немецкого солдата, неловко ползшего по полю с котелком на спине, как убил его и закопал в ботве. Это нечто иное, нежели прежде: «убей его, потому что он может убить тебя»; речь идёт о мере личного участия в убийстве другого человека, о принятии личной ответственности за убийство. Астафьев говорит об этом строго и честно, говорит так, как в современной литературе о войне не сказал никто. Ответственность лежит на каждом и переживается автором как собственная вина, потому он и повторяет трижды: «Я убил». Он помнил о толстовской традиции — «тоже и их пожалеть надо».

«Не вини Бога, не вини судьбу, вини самого себя, тогда в мире станет меньше виноватых», — напишет он в публицистической своей исповеди. В рассказе «Связист» (одном из последних напечатанных при его жизни) он повествует о том, как герой под шквальным огнём помог неопытной девушке-связистке соединить провода, но при этом не отдал ей запасной кусок провода, спрятанный у него под телогрейкой. Девушку ранили в живот, он дотянул её до укромого места, на следующий день сам получил ранение. Лёжа в госпитале, он винит себя за случившееся с этой связисткой — ведь он не отдал ей кусок провода, оставил его себе, так что ей пришлось долгие оставаться под огнём.

Этот лейтмотив — не вини других, вини самого себя — повторяется во всех поздних произведениях писателя. Перед нами новый, мудрый Астафьев, жёсткий к себе и потому гуманный к другим.

Та же мера ответственности присуща и танкисту Ваньке-Мёртвая голова, герою повести Ильи Бояшова. Она непонятна и не нужна другим, особенно командирам. Цель героя — поймать, победить и уничтожить танк «Белый тигр», сжёгший его танк в ходе сражения на Курской дуге. Вера в свою историческую миссию — для него главное.

В «петербургской были» «Кто не знает братца Кролика» о «страшном и весёлом» времени — 1990-х годах — Бояшов обращается к истории полка князя Андрея. Полк стоит в резерве «на стоптанном овсяном бородинском поле»: «Резерв пересыпан картечью, словно солью, но уходит нельзя...», потому что это «последний резерв». Бояшов го-

ворит о «трудном гуманизме», который может проявляться как на войне, так и в мирной жизни. Этот гуманизм основан на традиционных для русской и советской классике представлениях о чести и достоинстве.

Хотелось бы обратить внимание читателей и на вышедшую в 2011 году книгу «Ольга. Запретный дневник». В книгу вошли дневники Ольги Берггольц за 1939-1942 годы, письма поэтессы, воспоминания её друзей, архивные документы, а также высказывания о ней современных писателей. «Великой дочерью русского народа» назвал её Даниил Гранин; Михаил Кураев окрестил её «великомученицей». Ольга Берггольц была музой блокадного Ленинграда, вместе с

его жителями переносила все тяготы и лишения; её, истощённую, вывезли в Москву, она через два месяца постаралась вернуться в Ленинград — «подышать его чистым воздухом». «Победоносное терпение» — так назвала она свою книгу, в которую вошли её блокадные письма родным. Она перенесла очень много страданий и до блокады: арест, гибель в тюрьме нерождённого, «выбитого» ребёнка, смерть «на воле» двух маленьких дочерей, расстрел первого и смерть второго мужа, исключение из партии, изгнание с работы в газете, гонения, — но не потеряла веры в высшую справедливость жизни. Отсюда одно из её главных, итоговых послевоенных стихотворений с характерным названием «Ответ».

А я вам говорю, что нет напрасно прожитых мною лет, ненужно пройденных путей, впустую слышанных вестей. Нет невоспринятых миров. Нет мнимо розданных даров, любви напрасной тоже нет, любви обманутой, больной, — её нетленно чистый свет всегда во мне, всегда со мной. И никогда не поздно снова начать всю жизнь, начать весь путь, и так, чтоб в прошлом бы — ни слова, ни стоны бы не зачеркнуть.

Последние строки очень часто приводят в качестве ответа на сложные жизненные вопросы многие знающие и любящие творчество Берггольц люди.

Дух человечности

Одно из лучших произведений последних лет — писавшийся более десяти лет роман-эпопея В. Михальского о семье Мерзловских. Семья эта оказалась разделённой в 1920 году, когда русский черноморский флот уходил из Севастополя во Францию. С ним уплывали тысячи русских людей, в том числе старшая дочь Мария Александровна. Мать с младшей дочерью на руках осталась на берегу; её в давке оттеснила толпа, так что она вынуждена была жить в России, скрывая всю жизнь, что она жена расстрелянного адмирала.

Первая книга эпопеи «Весна в Карфагене» была опубликована в №5 журнала «Октябрь» в 20 01 году, а затем, уже в виде книжного издания, в 20 02 и 20 06 годах. Вторая книга — «Одинокому везде пустыня» — издавалась в 20 03 и 20 06 годах, третья — «Для радости нужны двое» — увидела свет в 20 06, четвёртая — «Храм согласия» — в 20 08 г., пятая — «Прощёное воскресенье» — в 20 10 г. Последняя, шестая книга «А ve Magia!» появилась в том же журнале «Октябрь» и вышла отдельным изданием в 20 11 году.

«Впервые в русской литературе на страницах романа встретились Москва и Карфаген — Россия и Тунис, русские, арабы, французы. Они соединились в судьбах главных героинь романа Марии и Александры, дочерей адмирала Российского императорского флота» — писала И. Никифорова, африканист,

профессор ИМЛИ РАН, в отзыве на это произведение. Роман «Весна в Карфагене» сразу же получил Государственную премию.

В первой части романа-эпопеи (или цикла романов — оба определения пока существуют наравне) снова проявились существенные черты стиля Михальского, ещё ранее отмеченные В. Катаевым. *«Высокая степень искренности, человечность и редкий дар воображения позволяют Вацлаву Михальскому одухотворять своих героев, делать их живыми. У него верный глаз, острый аналитический ум. Он прекрасно владеет словом и знает ему цену /.../ слово не только обозначение предмета, но также и его душа, психея, то есть — слово содержит в себе больше, чем на первый взгляд может показаться»*. Читателю всё это сулит подлинное «читательское счастье»; *«уютный свет из лампы, ветер за окном и книга, классический роман Вацлава Михальского»* (выделено мною. — Т. Б.) — таков отзыв Игоря Шкляревского, приведённый на обложке шестой книги.

Об этом цикле романов можно говорить долго и подробно. Историю создания книги читатель может узнать из опубликованных в журнале «Октябрь» интервью с писателем (их, как и журнальные варианты текста, можно найти в Интернете). Мы же хотели бы ограничиться разговором о затронутой в ней теме гуманизма. Духом гуманизма пропитана вся эпопея. История семьи Мерзловских (почти девяносто лет) разворачивается на фоне событий мировой истории. В романе не просто описываются многие исторические события (Ашхабадское землетрясение 1953 года, перестройка, Великая отечественная война, оккупация Франции, Чехии и других стран, Вторая мировая война в Африке, в том числе история танкового корпуса немецкого генерала Роммеля); текст снабжён блестящими, с тонким знанием дела написанными историческими комментариями.

Герои романа — медики, инженеры, предприниматели и рабочие, военные, домохозяйки — ведут себя в этих сложных событиях как честные люди (от слова «честь», а не только честность). В их сознании всегда присутствует чувство долга перед семьей, Родиной, другими людьми. Они берут на себя ответствен-

ность за свои действия и готовы в случае чего расплачиваться за свои поступки и решения. Высокая степень напряжения духовных сил и внешняя сдержанность, тонкая интуиция и предвидение, обострённое чувство справедливости, гордость и смирение, принятие жизни такой, какая она есть, — всё это присуще сестрам Марии и Александре, их матери Анне Карповне.

Роман этот следует читать для того, чтобы «подзарядить» себя духом человечности. В нём даже молодые герои, люди вполне современные, помнят о чувстве ответственности, о долге перед родными и близкими, помнят о традициях семьи. Это произведение стоит на одном уровне с лучшими классическими романами, посвящёнными судьбе семьи, в частности его можно сравнить с «Сагой о Форсайтах» Голсуорси.

Книги, о которых мы упомянули, нужно прочесть прежде всего взрослым — учителям и родителям, — однако также можно (и нужно!) говорить о них со старшеклассниками.

Право любить, право решать

Яркие проявления гуманизма можно найти и в произведениях современных зарубежных писателей. Остановимся на некоторых из них.

«Повесть о любви и тьме» Амоса Оза (род. в 1938 году), знаменитого израильского писателя с российскими корнями, номинировалась в 2009 году на Нобелевскую премию. Это автобиографиче-

ский роман, в котором автор рассказывает о своих родителях, родственниках, друзьях семьи, о семейной драме, приведшей к самоубийству матери и уходу 15-летнего мальчика из дома в киббуц. Подлинность и драматизм этой истории в блестящем переводе Виктора Радуцкого не оставят русских читателей равнодушными.

Помимо всего прочего, этот роман — историческое полотно о рождении государства Израиль. В нём рассказывается о встрече героя с Бен Гурионом. Глава государства прочёл газетную заметку, в которой молодой человек осмеливается с ним спорить, и вызвал автора к себе — как оказалось, не для разноса, а для серьёзного равноправного диалога. Они говорят об отношениях с арабами, разгромившими в окраинном районе Иерусалима дом дяди автора, знаменитого историка и философа Йосефа Клаузнера, о том, как семья мальчика живёт под обстрелом и вынуждена принять к себе многочисленных родных и знакомых, лишившихся крова. Оз (настоящая фамилия автора — Клаузнер) вспоминает о своём отношении к англичанам в период окончания действия британского мандата на Палестину; о том, как он вместе с другими мальчишками мастерил из остатков велосипеда ракету, которую собирался направить на штаб англичан, чтобы те поскорее ушли из Палестины; о том, как радовался, когда это наконец произошло.

На этом фоне дважды крупным планом даётся эпизод из раннего детства героя. Его, четырёхлетнего, няня выводит гулять в Старый город, где ходит по магазинам и подолгу пропадает в примерочных, оставляя ребёнка без присмотра. А он уходит вслед за девочкой его роста, которая на поверку оказывается карлицей с крашеными губами и висящей на плечах лисицей с мёртвыми стеклянными глазами. Испугавшись этого зрелища, он бросается вглубь магазина и прячется в каком-то маленьком ящике. Когда няня обнаруживает исчезновение своего подопечного, никто не может его отыскать. Его, почти задохнувшегося, находит араб, «с мешками под глазами /.../ с портновским метром на шее, свисающим справа и слева ему на грудь, с тёплой щекой, поросшей седо-ватой приятной щетиной /.../ Этот несколько сонный, располагающий к ▶

себе человек, чья смущённая улыбка, промелькнув на губах, тут же прячется под седыми мягкими усами... / С квадратными очками в коричневой оправе, спустившимися на самый кончик носа, как у старого столяра? Этакий папа Карло, который двигался медленно-медленно, устало волоча ноги, в лабиринте вешалок с женской одеждой? Он-то и извлёк меня из карцера, сказав при этом хриплым голосом, тем голосом, что я буду с дрожью в сердце вспоминать всю жизнь: “Довольно, мальчик, всё хорошо, мальчик, всё хорошо”!...!

Где он теперь? В каком из лагерей беженцев лежит на пыльном полу?!...!

И он тоже прокрадётся на улицу Амос в середине ночи с длинным кривым ножом в зубах, перережет мне горло, зарежет папу и маму и “утопит всех нас в крови”? — задаётся вопросом Амос Оз. Эти трудные вопросы он повторяет в обоих описаниях данного эпизода.

Писатель сохранил на всю жизнь не только добрую память об этом арабе, но и веру в людей, не желая мазать всех одной краской. Говоря о гуманизме, он не предлагает простых решений. Их нет. Есть желание понять другого, разобраться в сложных ситуациях, возникающих в жизни семьи и общества в целом. Это прекрасная книга о становлении личности в драматических личных и общественных условиях напоминает произведения русской классической литературы, значение которой в своём писательском развитии Амос Оз хорошо осознаёт.

Роман Януша Вишневого «Одиночество в Сети» предлагает вниманию читателя две пленительные истории любви. Первая повествует о любви поляка Якуба к глухонемой Наталье. Девушка гибнет после удачной операции по возвращению слуха, пытаясь спасти больного той же болезнью 9-летнего мальчика из-под колёс машины. Вторая — о чуде мгновенного полного взаимопонимания, возникшего между этим мужчиной и случайно встретившейся ему женщиной. Их интернет-переписка заканчивается драматически: героиня узнаёт, что беременна от нелюбимого мужа и, не желая обманывать сразу двоих, принимает трудное решение остаться с мужем, хотя и продолжает любить Якуба. После того

как женщина прекратила переписку, Якуб продолжает писать ей — постоянно и обо всем. Безответная любовь, даже такая высокая, не может удержать его от желания встретиться с умершими матерью, отцом, Натальей. Он едет на захудалую станцию под Берлином, где поезда проходят, не останавливаясь, — излюбленное место самоубийц. Роман открывается сценой на этой же станции: случайно оказавшейся там Якуб невольно спасает пришедшего туда отчаявшегося бомжа. Открытый финал оставляет слабую надежду.

Это не женский любовный роман с обязательностью хорошего конца, это мужской трагический роман, тем не менее он дышит любовью. О такой любви мечтают все второстепенные (благополучные) герои романа. Нужна ли такая любовь-мечта, останется ли она несбыточной или осуществление этой мечты возможно, — решать читателям. Возможно, эта утопия, идеал взаимопонимания и доверия, близости между мужчиной и женщиной нужна и прагматикам? «Из всего, что вечно, самый краткий срок у любви» — эпиграф к роману.

Интересен в контексте разговора о гуманизме роман Бернхарда Шлинка «Чтец». Это тоже роман о любви. Среди многих поднятых в нём проблем, — проблема взаимоотношений поколений: старшего, представители которого жили при Гитлере, и младшего, представители которого решают для себя вопрос, а есть ли у них право обвинять старшее поколение и непосредственно своих родителей в том, что было. Ещё более сложный вопрос: а есть ли у человека право решать за другого, что для него лучше?

Непростой выбор: признать, что ты полностью неграмотен, или не признаваться в этом ни любимому, ни начальству, ни судьям, даже если это повлияет на всю твою жизнь? Принятое решение мешает героине, Ханне, получить работу, вынуждает стать надзирательницей в женском концлагере. На суде она отказывается от проведения графологической экспертизы, заявляет, что это она поставила подпись под приказом не открывать дверей храма, в котором были заперты заключённые, и тем самым обрекает себя на пожизненное заключение. Есть ли такое право у личности? И есть ли право у того, кто знает правду,

раскрыть её перед судьей и тем смягчить наказание для любимой?

Герой советуется со своим отцом, философом и мудрым человеком. Тот говорит ему, что нельзя относиться к человеку как объекту, а не субъекту, непозволительно решать за другого, что ему надо делать. Герой, будущий юрист, признаёт правильной отцовскую точку зрения. Ханну осуждают.

Жёсткая ситуация в этом романе, уникальная. Кажется, где тут гуманизм!? Но смягчи автор ситуацию, сними её кровавый след — смерть евреев-заключённых в огне, смерть посланных в Аушвиц, — переведи её в другой регистр, и тогда может показаться, что позволительно решать за человека его судьбу. Можно ли раскрывать его тайны, не принимать в расчёт его стыд (у каждого свой), чтобы потом не винить себя за то, что не вмешался? — спрашивает автор читателя.

Сходный вопрос задаёт Дина Рубина в своём блистательно написанном, сложном романе «Синдром Петрушки» о гениальном кукольном мастере и кукловоде и его жене. Имеем ли мы право распоряжаться чужой судьбой, даже если речь идёт о человеке, которого мы беззаветно любим? Автор отвечает на него отрицательно.

В своих произведениях («Высокая вода венецианцев», «На Верхней Масловке», «Любка» «В садах Шлицбуттера» и т. д.) Дина Рубина обращается к общечеловеческим, вненациональным проблемам, к вопросу добра и зла.

«Mensch ist Mensch!» (Человек есть человек!) — таков общий лейтмотив книг, о которых мы постарались рассказать в этой статье. Гуманизм является по сути «цензор-процессом» (термин культуролога и поэтессы Л. Н. Березовчук), позволяющим личности противостоять утилитаризму, воинствующему практицизму, агрессивности, и чтение подобной литературы способствует этому процессу.

Статья о гуманизме в современной отечественной и зарубежной литературе.

Гуманизм, художественная литература

The article is about The humanism in modern domestic and foreign literature.

Humanism, fiction

Не дай вам Бог...

Образ книги, библиотеки и библиотекаря в современной беллетристике

ДРЕВНЯЯ китайская мудрость гласит: «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен». Мы пережили не только распад страны, но и разрушение библиотечной системы. Сменились ориентиры библиотечного дела. Главным символом перемен стал приход электронных технологий, который поставил под вопрос будущее библиотеки как таковой, ведь последние пятьсот лет существование библиотеки было связано с бумажной книгой.

Трудно отрицать тот факт, что библиотека уже начала своё движение в прошлое, что она сама может стать частью культурно-исторического наследия, которое сегодня хранит. Как быстро пойдёт этот процесс, мы не знаем. Адепты электронной библиотеки дают традиционной библиотеке от 2-3 до 25 лет жизни. Не думаю, что в ближайшем будущем библиотеки исчезнут, но вот людей в них будет приходиться всё меньше, особенно людей молодых, выросших в эпоху информатизации.

Принято считать, что художественное воображение позволяет писателям заглянуть в будущее. Кроме того, как сказал один из русских классиков, писатели являются «выразителями дум общества» — в том числе и выразителями отношения общества к книге, библиотеке и библиотекарям. Многие из литераторов знают о библиотеке не понаслышке. Писательский труд, слава Богу, пока ещё связан с чтением, по крайней мере, у писателей, чьё творчество претендует на глубину.

Библиотека-2033

Отблеск долгих часов сидения над книгой в читальном зале нет-нет да и

мелькнёт на страницах произведений современных прозаиков. Один из них — Дмитрий Глуховский, автор популярных романов «Метро 2033» (ЭКСМО, 2005), «Сумерки» (2007), «Метро 2034» (20 09), а также сборника «Рассказы о Родине» (2010), которые я рекомендую всем библиотекам приобрести.

Для тех, кто не читал романа-антиутопии «Метро 2033», вкратце перескажу его содержание. Действие романа разворачивается в московском метро в 2033 году, через два десятилетия после большой ядерной войны, в результате которой вся поверхность земли пронизана радиацией. Люди, случайно оказавшиеся в момент ядерной атаки на Москву в метро, уцелели, выжили и приспособились к новому существованию. Под землёю образовался новый социум.

Путешествие главного героя романа Артёма по разным линиям и станциям метрополитена напоминает хождение по кругам ада героя «Божественной комедии» Данте. Артём, мальчик, выросший в метро, с пятилетнего возраста не бывавший на поверхности земли, наделён сверхъестественной интуицией, позволяющей ему предугадывать ход событий и выбирать правильный маршрут в метро, населённом загадочными, опасными для людей существами-мутантами. Благодаря этой интуиции Артём оказывается в команде сталкеров, которая отправляется на поверхность — в разрушенную Москву — в поисках Книги, содержащей предсказание будущего. Эта Книга, подобно Библии Гутенберга, находится — где бы вы думали? — в книгохранении Великой библиотеки, которой посвящена целая глава, — Российской государственной библиотеки.

О будущем библиотеки говорилось много, в спорах сломано немало копий. Но только ли шествие новых технологий обуславливает судьбу библиотеки? На чём основано отношение к ней общества, и какие пророчества предлагают нам писатели, говорящие о будущем?

Татьяна Евгеньевна Коробкина, директор Библиотеки-читальни им. И. С. Тургенева, Москва

Герой романа должен обнаружить Книгу среди миллионов, оставшихся стоять на стеллажах обезлюдившей библиотеки. Автор подробно описывает передвижения героя по залам и служебным помещениям, обнаруживая замечательное знание внутреннего устройства Ленинки (интересно, разделяют ли моё мнение сотрудники этой библиотеки, и стал ли роман Глуховского предметом обсуждения в коллективе?).

Несомненно, Дмитрий Глуховский — человек большой начитанности и глубокой образованности. Это подтверждает и его роман «Сумерки», построенный на серьёзном изучении культуры индейцев майя. Таким образом, его произведения, на мой взгляд, нельзя в полной мере отнести к жанру «фэнтези», как правило, построенных на чистой выдумке. Нельзя и сказать, что Глуховский далёк от сегодняшних реалий: он с большой размышляет о современной России, предлагая неожиданную трактовку событий, о которых мы ежедневно узнаём из телепередач («Рассказы о Родине»). И тем не менее...

Для автора романа Книга с большой буквы и миллионы книг, сохранившихся в Великой библиотеке, не одно и то же. «Просто не могу себе представить, сколько их там наверху должно быть, если ради них такую громадину построили», — говорит Артём. А вот что ему отвечает на это Данила, другой персонаж романа:

«Да ведь это никакого значения не имеет, все эти книги. И Великую Библиотеку не для них строили. И не их там хранят. /.../ Всю Великую Библиотеку строили для одной-единственной Книги. И лишь она там и спрятана. Остальные нужны только, чтобы её скрыть. Её-то на самом деле и ищут.»

Её и стерегут, — прибавил он, и его передёрнуло.

— И что это за книга? — тоже понизив голос, спросил Артём.

— Древний фолиант. На антрацитных чёрных страницах золотыми буквами там записана вся История. До конца.

— И зачем же её ищут? — шепнул Артём.

— Неужели не понимаешь? — покачал головой брамин. — До конца, до самого конца. А ведь до него ещё не близко... И у кого есть это знание...» ((М.: Издательство «Популярная литература», 2008. — С. 218).

Прежде чем прокомментировать этот фрагмент, хочу привести ещё один эпизод романа. Поднявшись по главной мраморной лестнице Великой Библиотеки, сталкеры совершают некий ритуал в читательском каталоге. «На этих ящичках можно гадать. Посвящённые умеют. После ритуала нужно вслепую выбрать один из шкафов, потом наугад вытянуть ящик и взять любую карточку. Если ритуал был проведён правильно, то название книги предскажет будущее, предостережёт или напроорочит удачу» (с. 237). Какую же карточку вынимает из картотеки Данила, спутник Артёма? — «Шнурков Н. Е. Орошение и перспективы земледелия в Таджикской ССР. Душанбе, 1965».

В этих эпизодах мне видится следующий смысл. Сорок миллионов книг, собранных в книгохранилищах бывшей Ленинки, уже не могут ничем послужить людям. Каждая в отдельности, эти книги содержат мёртвые знания. И всё-таки именно среди них должна найтись Книга, воплощающая конечное Знание Человечества. «Было три фолианта... Прошлое, настоящее и будущее. Прошлое и Настоящее сгинули безвозвратно века назад. Остался последний, самый главный» (с. 219). Книгу Будущего герой романа так и не находит. Вообще, все книги Глуховского имеют пессимистический финал, он не видит повода для оптимизма ни для России, ни для человечества в целом.

Если взглянуть на описание мёртвой Великой Библиотеки в романе через призму сегодняшнего облика РГБ, то можно сделать два вывода. Во-первых, в авторе романа угадывается её завсегдатей, хорошо знающий её устройство и, так сказать, нравы. Во-вторых, отноше-

ние к этой библиотеке у автора двойственное. Артём, впервые попавший сюда, вначале благоговееет перед тем, что видит, однако постепенно у него возникает чувство опасности, «пресловутый страх туннелей», ощущение, что «сквозь книжные полки за ним кто-то внимательно наблюдает»; это ощущение меняется паническим ужасом при встрече с неведомыми ужасными существами, живущими среди стеллажей, — хранителями книжных сокровищ, «библиотекарями». Кто они?

Прежде всего, библиотекари — это не те, кто добывает и хранит книги для людей, уцелевших в метро. Данила так говорит о себе: «Я не библиотекарь, а хранитель. Нас ещё браминами называют. /.../ Понимаешь, у нас тут вроде кастовой системы. Как в древней Индии. /.../ Каста жрецов, хранители знаний, тех, кто собирает книги и работает с ними. /.../ Здесь, на Боровицкой, больше браминов, почти все. Школа наша тут, библиотеки, кельи. /.../ А на Арбатской — почти все кишатриш, из-за Генитаба. /.../ В Великую Библиотеку поднимаются только наши старейшины. И сталкеры, которые работают на браминов. /.../ По Завету это должны были бы делать мы: хранители знания и передавать их ищущим. Но, чтобы передавать эти знания, их сначала надо добыть. А кто из наших посмеет туда сунуться? — со вздохом он поднял глаза вверх.

— Из-за радиации? — понимающе кивнул Артём.

— Из-за неё тоже. Но главное, из-за библиотекарей, — приглушённым голосом ответил Данила.

— Но это разве не вы библиотекари? Ну, или потомки библиотекарей?» (с. 216–218)

«Так это звери или люди? — спросил Артём. — Не звери, это точно, — задумчиво покачал головой сталкер и замолчал» (с. 235).

Ещё один эпизод романа: «Там дальше — Главный Читальный зал, — шепнул ему брамин. — Они там иногда появляются... — Хватит трепаться! — зло оборвал его Мельник. — Ты что, не знаешь, что библиотекари не переносят шума? Что он для них как для быка красная тряпка?» (с. 235). А вот привет героям романа из сегодняшнего дня: «Повсюду были прикручены пластиковые таблич-

ки с надписью: «Соблюдайте тишину»». Эти таблички не только в читальном зале, но и в служебной зоне (в дирекции?): «Здесь пол был выложен паркетом, а на выкрашенных в жёлтый цвет стенах, как и везде в Библиотеке, висели злоеющие таблички: «Соблюдайте тишину»» (с. 241). (Вспоминается посвящённая библиотеке и библиотекарям интермедия «КВН-команды из Перми «Уральские пельмени»: тем, кто её не видел, советую найти в Интернете и посмотреть — что называется, не в бровь, а в глаз).

Наконец «библиотекари» появляются на страницах романа: «...по этим лестницам, спиной к которым они только что стояли, сейчас неспешно и бесшумно скользили вниз сгорбленные фигуры. Их было больше десятка — не до конца растворившихся в сумраке тварей, каждая из которых была бы ростом с Артёма, если бы не сгибалась почти вдвое, так что длинные передние лапы, поразительно напоминавшие руки, едва не касались пола. Передвигались существа на двух задних лапах, шагая вразвалку, но при этом удивительно ловко и неслышно. Издалека они больше всего напоминали горилл из учебника по биологии, по которому отчим учил Артёма в детстве.

На все эти наблюдения у Артёма было не больше секунды. Как только луч фонаря упал на одну из сгорбленных фигур, отбросив на стену за ней яркую чёрную тень, со всех сторон раздалось дьявольское верещание, и твари, больше не пытаясь прятаться, хлынули вниз.

— Библиотекари! — закричал изо всех сил Данила.

— Ложись! — приказал Мельник» (с. 240).

Библиотекари застают врасплох Данилу и нападают на него. «Ряд полок прерывался, и в образовавшейся нише на полу сидел в луже крови Данила. /... / А за спиной у него, наполовину сливаясь с мраком, пряталась серая сгорбленная фигура. Длинная, поросшая жёсткой себребристой шерстью, костлявая рука — не лапа, а именно рука с мощными загнутыми когтями задумчиво перекачивала оброненный и лежащий в полу метре от Данилы фонарь. Вторая была погружена в распоротый живот брамина. /... / Из-за откинутой назад головы Данилы показалась сначала за-

острённое серое ухо, а за ним — огромный зелёный глаз, искрящийся в свете фонаря. Библиотекарь медленно, словно стеснительно, выглянул из-за умирающего напарника, и его глаза искали глаза Артёма. Не отворачиваться. Смотреть прямо туда, прямо на него, прямо в зрачки... Звериные, вертикальные зрачки. И как странно было видеть в этих жутких, невозможных глазах отблески разума!

Сейчас, вблизи, библиотекарь уже ничем не напоминал гориллу, да и вообще обезьяну. Его хищная морда заросла шерстью, полная длинных клыков пасть доходила чуть не до ушей, а глаза были такого размера, что делали тварь не похожей ни на одно из животных, которых Артем видел живём или на картинках» (с. 245–246).

Я понимаю, что вырванное из контекста романа-триллера, в которых много подобных сцен ужаса с участием существ-мутантов, подземных и наземных, это описание может показаться оскорбительным для моих коллег. Не думаю, чтобы образ Великой Библиотеки, сквозь который просвечивает реальная, сегодняшняя Ленинка, может понравиться её сотрудникам. Но, во-первых, перед нами художественное произведение, причём такого жанра, в котором вымысел преобладает над реальностью, как этот жанр не назови — роман-фэнтези или роман-антиутопия (я предпочитаю второе), и воспринимать его надо как художественную целостность и как мир вымысла, отдельные элементы которого не обязательно напрямую соотносятся с реальностью. Однако, и это, во-вторых, призадуматься стоит. Уровень взаимного непонимания между обществом и библиотеками достиг такого уровня, что разум писателя порождает чудовищ, подобных персонажам романа Дмитрия Глуховского. Это метафора, воплощающая крайнюю степень отчуждённости сегодняшней библиотеки от знания, необходимого человечеству. Невольно думаешь, чем же так досадили писателю сотрудники Ленинки, что в его воображении родился монстр под названием «Великая Библиотека»? Наконец, в-третьих, по мысли автора, не библиотечные фонды, не накопленные в них мёртвые книги несут в себе подлинное знание прошлого, настоящего и будущего, а три Книги:

Знания прошлого, Знания настоящего и Провидения будущего. Хранителями этих трёх Книг выступают у Дмитрия Глуховского отнюдь не библиотеки и не библиотекари в сегодняшнем, реальном их понимании.

Правдоподобие кошмара

С отчуждением понятий библиотека/библиотекарь от их содержания в современной реальности мы сталкиваемся и в романе Михаила Елизарова «Библиотекарь» (М.: Ад Маргинем Пресс, 2008). Герой романа не работает в библиотеке, но он — «библиотекарь», хранитель доставшейся ему по наследству «библиотеки»: собрания произведений советского писателя Громова, которые оказывают сильнейшее психологическое воздействие на людей. Романы писателя с характерными для советской литературы названиями («Пролетарская», «Счастье, лети!», «Дорогами труда» и т. д.) получают у их собирателей параллельные названия: Книга Силы, Книга Власти, Книга Ярости, Книга Терпения, Книга Радости, Книга Памяти, Книга Смысла. Вокруг Книг формируются небольшие читательские общины — «читальни».

Вот фрагмент романа М. Елизарова. «Читальня была фундаментом, на основе которого могла со временем возникнуть библиотека. Случалось и обратное. В результате разборки небольшой по размерам клан сокращался до читальни.

Публика подбиралась разная, всех возрастов и профессий. Каждый читатель был свободен морально и, что немаловажно, финансово. Этим читальня выгодно отличалась от библиотеки, где люди отдавали часть зарплаты, так называемый взнос, на поиск Книг и поддержку организационных структур.

Как и в библиотеке, в читальне имелся руководитель — он назывался библиотекарем. Это был владелец Книги либо тот, кому читальня Книгу доверила. В планы читален не входил поиск Книг, люди удовлетворяясь тем, что имели, соблюдая честную очередность.

Поначалу библиотеки и читальни не пересекались, хотя и знали друг о друге. Потом библиотеки накопили силы и Книги. Существование конку-

рениции противоречило их тоталитарным планам.

Читальни шантажировали и запугивали. Предлагали добровольно сдать Книгу, обещая место в библиотеке. Иногда Книги экспроприировали. У откровенного разбоя имелось официальное объяснение: читальни были объявлены рассадником переписчиков, и руководители крупных библиотек призывали остановить копирование любой ценой. (Рукописные копии громовских книг делали для продажи и личного обогащения, к тому же они не обладали силой воздействия печатных книг. — Т. К.). Из чёрного ниоткуда появились факельщики — исчадия, порождённые волей больших кланов. Факельщики нападали на читальни, выкрадывали Книги и сжигали. На библиотеках эти потери практически не отражались, в хранилищах во множестве имелись запасные экземпляры, а вот обездоленным читателям, лишенных единственной Книги, была одна дорога — в библиотеку» (с. 53–54).

Не стоит искать здесь прямых параллелей с реальной действительностью. Мы снова имеем дело с реаль-

ностью, созданной воображением автора. Приведённый фрагмент — лишь фон, на котором разворачиваются события, в которые оказывается втянут против своей воли главный герой романа Алексей Вязинцев (кстати, выпускник режиссёрского факультета института культуры). Хотя роман обладает правдоподобием деталей, делающим его похожим на действительность конца XX века, это правдоподобие сродни тому, с которым сталкиваешься на полотнах сюрреалистов: все детали по отдельности реальны, а вместе они — кошмарный сон, смысл которого от зрителя ускользает.

К концу романа Алексей Вязинцев оказывается в бункере, где ему, по-видимому, предстоит провести остаток дней. Герой объявляет тюремщикам голодовку, имитирует самоубийство, но его протест ни к чему не приводит. Одну за другой он вынужденно читает шесть Книг Громова и на их основе пишет в шести общих тетрадах в клеенчатых переплётах (из прежней, советской жизни!) свою Книгу о кровавых событиях, участником которых невольно оказался. При этом он называет себя «оберегом Родины» и «чтецом-хранителем».

«Письменный труд был в сути завершён. Я начал с краткого обзора громовского универсума ..., описал и мой короткий библиотечарский век, слабую гибель широнинской читальни, и даже первые месяцы в бункере. Повествование ухватило себя за хвост. Больше откровенничать было не о чем, разве что дополнять уже написанное...» (с. 435). В этот момент Вязинцеву доставляют седьмую Книгу — Книгу Памяти.

«И вот канувшая страна из небытия предъявила затёртые векселя о долге, в которых столько лет назад я опрометчиво расписался, потребовала стойкости, отваги и подвига.

Всё справедливо. Я хоть с опозданием получил обещанное советской Родиной немислимое счастье. Пусть фальшивое, внушённое Книгой Памяти. Какая разница...!..! Земной СССР был грубым несовершенным телом, но в сердцах романтических стариков и детей из благополучных городских семей отдельно существовал его художественный идеал — Союз Небесный. С исчезновением умственных пространств умерло и неодоушевлённое географическое тело. !..! Повзрослевший, я любил Союз не за то, каким он был, а за то, каким он мог стать, если бы по-другому сложились обстоятельства. !..! Страна, в которой находились два моих детства — подлинное и вымышленное — была единственной настоящей Родиной, которой я не мог отказать. И лежащая на подносе Книга Памяти была её повесткой...» (с. 437–439).

И далее: «Повзрослевшему, мне упростили задачу — предложили облегчённый вариант подвига. Даже погибать

было ненужно. Наоборот, вечно жить на благо Родины — чего же тут бояться?

Меня не особенно волновало, что будет со мной, если я вдруг прерву чтение спустя, допустим, год? Выйду ли как медведь из спячки или же рассыплюсь прахом, сработает ли вообще пресловутый механизм бессмертия, заложенный в Книги...» (с. 441).

И на последней странице романа: «Который нынче год на дворе? Если свободна Родина, неприкосновенны её рубежи, значит, библиотечарь Алексей Вязинцев стойко несёт свою вахту в подземном бункере, неустанно прядёт нить защитного Покрова, простёртого над страной. От врагов видимых и невидимых...!..!»

Я допишу последние слова. Уложу тетради — чёрную, серую, голубую и три коричневых — в нишу подъёмника. Прикрою заслонку.

Потом я сяду за стол. Соберусь с духом. Открою первую Книгу. Начну в хронологическом порядке, с Книги Силы.

Я не умру никогда. И зелёная лампа не погаснет» (с. 444).

Прежде всего, отметим, что Михаил Елизаров — человек левых политических убеждений. Советский Союз для него — абсолютная ценность. Писательство — служение идее восстановления СССР, точнее, того мира и миропорядка, которые, по убеждению автора, было благом для России. Библиотечарь Вязинцев — хранитель исторического прошлого, воплощённого в советской литературе, обладавшей силой воздействия на окружающий мир. В своих литературных произведениях писатель Вязинцев воссоздаёт советское прошлое и одновременно пишет его продолжение в сегодняшней реальности.

А при чём тут библиотека и библиотечарь? В общем-то, не при чём. Хотя, с другой стороны, как ещё назвать собрание книг и человека — хранителя этого книжного собрания? Как и Глуховский, Елизаров говорит о Книгах, которые содержат некое сокровенное Знание, однако для него эти книги, якобы, написаны советским писателем, в то время как у Глуховского автор Книги, по-видимому, — существо высшего порядка. Герой Глуховского Книгу так и не находит, а у Елизарова Книги существуют реально и обнаруживают свои мистические свой-

ства. В романе Глуховского Великая Библиотека и библиотекари — это монстры, несущие людям погибель, но и у Елизарова вокруг Книг разворачивается кровавая бойня.

Для обоих писателей книга, библиотека и библиотекарь — это метафоры, воплощающие далёкий от повседневной реальности смысл, однако само употребление этих понятий в негативном контексте свидетельствует о крайне критическом отношении обоих писателей к библиотеке как социальному институту. Такое отношение весьма характерно для современного российского общества, и, боюсь, сами библиотекари немало для этого сделали.

«Удачи тебе, библиотекарь»

С иным толкованием понятия «библиотекарь» мы сталкиваемся в романе американского писателя Лари Бейнхарта «Библиотекарь, или Как украсть президентское кресло» (М.: АСП: Адаптек, 2010). Оригинальное название романа — «The Librarian», но, по-видимому, издатели сочли, что роман под таким неброским названием — «Библиотекарь» — не привлечёт внимания читающей публики либо его перепутают с получившим широкую известность романом Михаила Елизарова.

Герой американского романа Дэвид Голдберг — «скромный библиотекарь», работающий в университетской библиотеке, еврей по национальности, на чём автор делает заметный упор (вдвойне изгой!). Американский романист не видит ничего зазорного в том, чтобы сделать библиотекаря главным героем своего произведения, написанного в жанре политического триллера, и вынести название его профессии в заголовок романа. Конечно, нам дают понять, что профессия библиотекаря — не самая престижная в США. Но «скромный библиотекарь» вовлечён в события национального масштаба — предвыборную президентскую кампанию и, преодолевая страх и неуверенность в себе, оказывается на поверку настоящим положительным героем. Между прочим, один из эпизодов романа разворачивается в «Великой Библиотеке» США — Библиотеке Конгресса, где работает приятельница Дэвида Голдберга, и в этом мы видим параллель с романом Дмитрия Глуховского, которая только подчёркивает

различие в отношении к библиотекам двух авторов.

В отличие от РГБ, Библиотека Конгресса, несомненно, дружелюбна по отношению к герою, а герой романа дружелюбен по отношению к библиотеке, хотя автор позволяет себе некоторую иронию, приводя изречения на стенах здания Джеймса Мэдисона, одного из зданий Библиотеки Конгресса.

«Цитаты были и снаружи и внутри. Жители Виргинии обожали своё детище: “Это чудо, что наши штаты создали единое государство, наша конституция — лучшая конституция на свете, посмотрите на нас, весь мир может стать таким же свободным”. Они были великими гуманистами, хотя рядом с ними жили рабы, они любили то, что искренне считали основой своего государства, они любили разум и знание, они любили учиться, они любили книги, они любили библиотеки. Одна из цитат гласила: “Правительство — это сила, а власть никогда не может быть честной и справедливой, потому что она всегда сосредоточена в человеческих руках”» (с. 191–192).

Здесь нужно дать пояснение относительно содержания романа. Две группы политиков борются за президентское кресло. Одна из них разделяет идею мирного господства Америки и готовит заговор на случай, если большинство голосов избирателей будет отдано не её ставленнику, действующему президенту, а его конкуренту — женщине. Нити заговора ведут в дом миллиардера Стоуи, в котором библиотекарь Дэвид Голдберг разбирает архив. Заговорщики подозревают библиотекаря в том, что он проник в тайну заговора, поэтому его нужно устранить. Разумеется, Голдбергу удаётся посрамить своих гонителей, хотя о результатах выборов мы до конца романа так и не узнаем.

Вот какое понимание миссии библиотекаря автор вкладывает в уста своего героя. «А что это такое, быть библиотекарем?» — она (героиня романа. — Т. К.) явно хотела поговорить об этом.

– Представь себе полную противоположность Стоуи и всему тому, что он собой олицетворяет. Это такой своеобразный коммунизм, только в нем нет никакой марксистской подоплёки. К чёрту любую идеологию. Наше дело

– предоставлять людям информацию. За бесплатно. Проходите-проходите, откусите немножко от Знания, вы ничего за это не должны, нет никаких ограничений, сколько раз хотите, столько и кусайте, да нет же, я не шушу, заходите, образец вы можете попробовать совершенно бесплатно, это уже потом мы засорим вашу голову рекламой и прочей чушью. Труд библиотекаря почему-то не очень высоко ценят — денег мы зарабатываем мало, больше чем поэты, но меньше чем борзые журналисты. Для нас важны идеалы, любовь к книгам, любовь к Знанию, любовь к правде, любовь к бесплатным сведениям, мы помогаем людям открывать для себя что-то новое или снабжаем их беллетристикой и детективами, я за то, чтобы любой, даже небогатый человек, мог спокойно выйти в Интернет.

– Да вы просто добрый человек.

– Благодарю вас» (с. 69).

(Обратите внимание: здесь также речь идёт о Знании с большой буквы, но знании земном, а не мистическом, как в романах Глуховского и Елизарова). Одновременно герой полон сомнений относительно своей человеческой полноценности и способности противостоять обстоятельствам: «Я хочу домой, в свою библиотеку, и чтобы там были книги, а вокруг — люди, которые всегда будут готовы выслушать твой ответ, пусть и субъективный или предвзятый, всегда будут готовы принять точку зрения, отличную от их собственной, или найти новые доказательства своей правоты.

В библиотеку я и отправился, проскользнув через боковую дверь. Я дотронулся до книг и чуть не заплакал от жалости к самому себе, от чувства совершенной оторванности от жизни. Как бы я хотел быть решительным и волевым человеком, встречая опасности жизни лицом к лицу. Вместо этого я хранил, рассортировывал и читал о жизни других. Книги, сухие, пыльные, в которых так много слов, слов, которые так часто ничего не значат...» (с. 117).

Нельзя не уловить доброй иронии автора и в диалоге Джеймса Голдберга с приятелем, от которого «пахло наркотиками и табаком», однако этот разговор, не Бог весть какой глубокий со-

держанию, передаёт отношение к профессии библиотекаря в американском обществе.

«Иди, библиотекарь, иди и делай всё, что хочешь. Удачи тебе. Ты — хороший человек. Интересно, сколько мы с тобой знакомы? Лет 10? 15? /.../ Всё это время я говорил: “Этот человек должен вылезти из-за пыльных полок”»

— Мне нравится моя работа.../.../

— Я знаю. Ты отличный библиотекарь.../.../ Обычно люди спят на работе. /.../ Ты действительно хороший библиотекарь, ты учишь людей. Ты показываешь им, как искать информацию. Ты научил этому меня. Я твой должник. /.../ Некоторые долги можно отдать, некоторые — нет. То, что способствует рождению личности другого человека, нельзя отдать ни за что и никогда» (с. 239).

Отставляя в стороне вопрос о литературных достоинствах этого типично американского романа, хотелось бы сказать, что суждения автора о миссии библиотеки и библиотекаря довольно расхожи. Они словно бы списаны с американских и международных библиотечных документов («профессиональных стандартов»), регламентирующих деятельность библиотек. Но это те принципы, которыми действительно руководствуются зарубежные библиотекари и которые прибавляют им уважения со стороны читателей и общества в целом. Никакого разлада между библиотеками и обществом в США, даже судя по роману Лари Бейнхарта, нет и в помине. И электронная революция не ставит там под вопрос судьбу библиотеки, по крайней мере, в такой радикальной форме, как у нас.

В погоне за парадигмой

Что же не так в наших взаимоотношениях с обществом и читателями, в том числе с писателями (а они-то — первые наши читатели, потому что нельзя стать писателем, не читая)? Вот передо мною шестой (144) номер журнала «Библиотечное дело» за 2011 год. Здесь опубликованы статьи двух глубоко уважаемых мною и глубоко уважающих друг друга библиотечников, А. В. Соколова и С. А. Басова. В статьях этих они, однако, полемизируют друг с другом, обсуждают новую редакцию Ко-

декса профессиональной этики российского библиотекаря. Среди прочего речь заходит о двух «парадигмах» библиотечного обслуживания. Две парадигмы — это «сервисная»; «клиентоориентированная»; исходящая из принципа «клиент всегда прав» и провозглашающая, что миссия библиотек заключается в удовлетворении культурных, образовательных, информационных, досуговых и пр. потребностей и интересов абонентов; и «педагогическая»; идейно-воспитательная, исходящая из принципа «библиотекарь знает лучше» и считающая, что библиотекарь-библиограф должен руководить чтением пользователей библиотеки для их же собственного блага и с учётом интересов общества» (А. В. Соколов, с. 34).

Его оппонент С. А. Басов, однако, полагает, что возможна и третья парадигма: «Вполне реально, когда в библиотеке оба субъекта — библиотекарь и читатель — по отношению друг к другу занимают равноправную позицию. Взаимодействуют в режиме диалога. В действиях каждого будет собственная стратегия. Ни одна из сторон не стремится подчинить другую. При таком подходе уважаются права и свободный выбор читателя при осознании библиотечной собственных целей деятельности» (с. 39). Он сожалеет, что «на смену патерналистской модели советского времени» пришёл не «равноправный диалог», а ««сервисная» модель удовлетворения информационных потребностей, которая в последние десятилетия вполне комфортно обосновалась в теории и практике обслуживания читателей» (с. 39).

Ах, если бы так! «Патерналистская модель советского времени» — это и есть «педагогическая», «идейно-воспитательная» парадигма, и никуда она не ушла — ни из сознания теоретиков, ни из умов практиков. Уж лучше бы на её место действительно пришла «сервисная» модель обслуживания, при которой библиотекарь, по крайней мере, видит, что перед ним живой человек с его реальными потребностями, а не объект его «педагогической» деятельности. Да и кто сегодня этот «педагог»? Недавний выпускник библиотечного ВУЗа, недоучка, хорошо владеющий компьютером, но путающий Льва Николаевича Тол-

стого с Алексеем Николаевичем и Алексеем Константиновичем Толстыми? Или библиотечный профессионал далеко пенсионного возраста, слабо разбирающийся в новых технологиях и не умеющий найти общего языка с молодёжью?

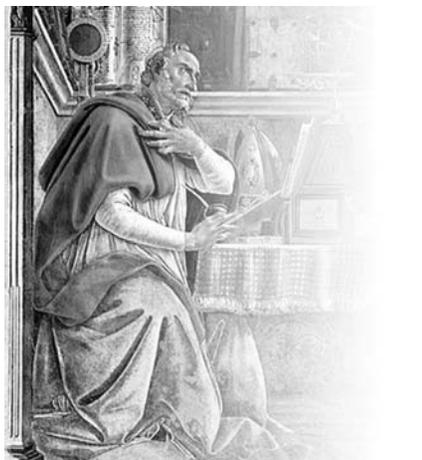
«Или мы не готовы, чтобы высшей ценностью, центром библиотечной вселенной стал человек? Не общество и не государство, и даже не Книга (об электронных симулякрах не может быть и речи!), а Человек, причём каждый человек, независимо от каких бы то ни было привходящих обстоятельств», — вопрошает Сергей Александрович (с. 41). Боюсь, что действительно не готовы. Может, для начала нам научиться просто вежливо и толково «обслуживать» «каждого человека», знать, где какая книга стоит и как найти нужную информацию в Интернете, и отложить на время разговоры о парадигмах и моделях? Подумать о том, как сделать так, чтобы «каждому человеку» просто захотелось больше времени проводить в библиотеке, неважно, ради Культурного Роста Личности или Досуга? Ведь гуманизм, между прочим, заключается, и в том, чтобы позволить «каждому человеку» иметь свои собственные потребности (информационные, образовательные, культурные, досуговые — любви!) и надеяться, что в библиотеке он сможет их «удовлетворить». И при этом никто не будет его «воспитывать», не будет ничего ему навязывать. Я исхожу из того, что современный взрослый человек, посещающий библиотеки, сам знает, что ему нужно «для его же собственного блага». Иначе зачем ему в эти библиотеки ходить? Уж лучше посидеть дома у компьютера и самому поискать в Интернете всё, что ему нужно — и для образования, и для культурного роста, и для досуга, и для того, чтобы, так сказать, быть в курсе...

С автором можно связаться:
director@turgenev.ru

Размышления о будущем библиотеки и библиотекарей.

Образ библиотекаря, гуманизм
Reflections about the future of libraries and librarians.

The image of a librarian, humanism

ЗОВ БЫТИЯ

Об экзистенциальном измерении читателя

СЕГОДНЯ ВСЁ ЧАЩЕ звучат речи о деградации, о вырождении человека. По мнению многих, мы платим по счетам за достигнутый прогресс. Можно возразить: мало ли что говорят? Однако внутренняя упрощённость личности современного человека, порой явная её опустошённость — это, увы, факт. Люди сегодня ориентированы чаще всего на деньги, на успех. То, что было пороком, стало нормой. Только вот одна беда: такая модель бытования приводит к тому, что расширяется и зона риска, в которой гибнет человек, — и не только за металл, но и от металла.

Что происходит с человеком? Ответ на это вопрос может дать одно из философских течений — экзистенциализм. Главной его особенностью является поворот к общечеловеческим ценностям, к гуманизму в целом. Предметное поле его — индивидуально-личностный опыт отдельно взятого человека, его Бытие со всеми его сущностями.

Автору представляется, что экзистенциализм как философская концепция исключительно актуален для библиотечной практики, особенно в контексте оказания помощи читателям, стремящимся понять смысл жизни, противостоять ограничениям прав человека, сформировать собственную гуманистическую позицию. Задача эта для библиотекаря не так-то проста. Во-первых, придётся задуматься о поиске языка, на котором был бы возможен разговор об экзистенции. Во-вторых, библиотекарю придётся самому подготовиться, понять, что экзистенция — это особое измерение жизни, индивидуально-личностного опыта читателя, в котором всё очень

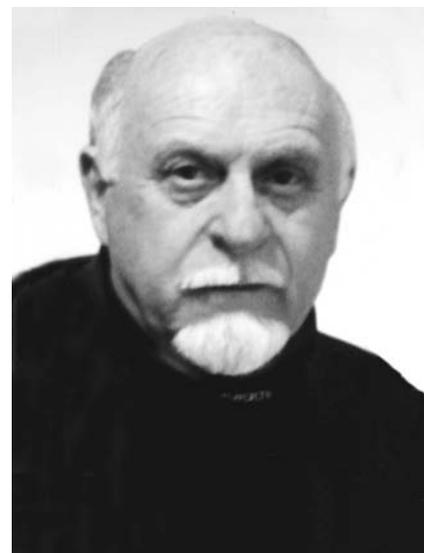
уникально, неповторимо и ... труднодоступно для понимания.

Экзистенция как бытийная основа человека

Предшественниками экзистенциализма считают Св. Августина, Ф. Шеллинга, С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, Ф. М. Достоевского, Ф. Ницше. Такие его представители, как М. Хайдеггер, К. Ясперс, Н. А. Бердяев, Ж. П. Сартр, Г. Марсель, А. Камю и многие другие известны и своими фундаментальными исследованиями, и своими художественными произведениями.

Западные философы М. Хайдеггер («Бытие и время»), Ж. П. Сартр («Бытие и ничто»), К. Ясперс и другие философы сумели осуществить синтез психоанализа и экзистенциализма, что и способствовало утверждению данной концепции. В России же экзистенциальная идея впервые была осмыслена не философской наукой, а художественной литературой, в частности, в произведениях Ф. М. Достоевского. Яркий предшественник экзистенциализма, он предчувствовал страшные потрясения, которыми чреваты рационалистические идеи строителей «новой жизни». Он показал, что после краха концепции объективного и безразличного отношения к «человеку бытия» на сцену может прийти новый человек, уверовавший в возможность преобразования мира по своему усмотрению, по праву высшего существа. Его героев отличает глубокое интенсивное переживание собственного бытия; они первые заговорили о новой этической доктрине; до Ф. М. Достоевского никто так глубоко и правдиво не раскрывал категории бытия. В центре

Рассуждая о совершенствовании гуманитарного знания, было бы не лишним обратить внимание на феномен человеческого бытия, чтобы лучше представить образ человека, каким он вырисовывается нам в начале XXI века.

*Владислав Оскарович Скитневский,
заместитель директора
Кингисеппского филиала ЛГУ
им. А. С. Пушкина по научной работе,
кандидат педагогических наук,
профессор*

внимания писателя оказалось экзистенциальное изменение человека. Его герои решительно заявляют: пора изменить себя: «сделать себя» тем, чем они **должны быть**. Они готовы обесценить даже божественную волю, утратившую для них своё сакральное значение: так, братья Иван и Алёша Карамазовы отвергают мир, созданный Богом, «почтительно билет Ему возвращая». Небытие для человека есть **Ничто**. Оно становится антитезой, противоположностью Бытия. Две эти категории не существуют друг без друга. «*Бытие только тогда и есть*, — утверждает Ф. М. Достоевский, — *когда ему грозит Небытие*». Небытие есть «ничто».

Философское осмысление индивидуально-личностного опыта и специфического переживания отдельно взятого человека получило признание только на Западе. Так, Ж. П. Сартр в работе

«Бытие и Ничто» упорно настаивал на гуманистическом характере экзистенциализма, уверенный в том, что существуют только Люди и только от них зависит характер мира, в котором мы живём. Другой виднейший западный мыслитель М. Хайдеггер эту автономность человека понимал иначе. В своей работе «Бытие и время» он говорит о том, что анализ бытия надо начинать с самих себя, что сущее — это «мы сами». Интересно и мысль М. Хайдеггера о том, что человек обнаруживает себя **уже заброшенным** в этот мир. Феномен «заброшенности» является ключевым моментом бытования, ибо человек открывает для себя то, что Его бытие есть совокупность возможностей, среди которых нужную для себя он должен «выбрать Сам».

Главный императив, по М. Хайдеггеру, — «слушать бытие». Услышать и понять «зов бытия» — это всегда **Выбор**. Откликаясь на зов, человек принимает некий вызов, **выбирает** самого себя. Зов вырывает человека из состояния сна, неподлинного существования. «*Зову со-*

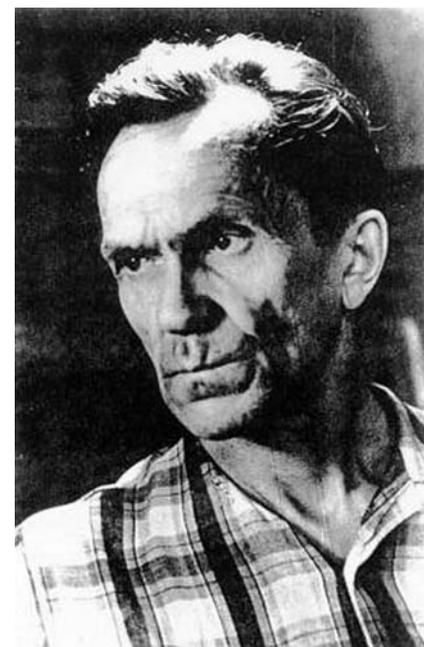

вести, — пишет он, — *отвечает возможное слышание*». Зов призывает человека к **Самости**, но звучит он только тогда, когда человеку становится тревожно, когда он обращается к Совести, к Жизни. М. Хайдеггер считал, что совершенно некорректным и преждевременным ставить вопрос о неких новых моральных нормах, не пройдя чрез горнило экзистенциального анализа человеческого бытия.

В СССР непрагматичная, далёкая от материализма и невидимая экзистенция

оказалась проигнорированной литературой, придерживающейся канона социалистического реализма. Не случайно последовали изъятия и уничтожения произведения философов Николая Бердяева, Льва Шестова, писателей Фёдора Достоевского, Андрея Платонова, Михаила Булгакова и других.

С появлением произведений Александра Солженицына и Варлама Шаламова в 1950–60-е годы начинается новый виток экзистенциального анализа бы-

тия человека. И опять же пока только в литературе. Происходит показ человека «нульмерного» — человека в тюрьмах, в колониях, в бараках, в урановых рудниках, на лесоповалах. Люди, истерзанные вопросами: «*Кто я? Зачем я? Какой смысл во всем этом?*», стоящие на краю мрачной бездны Небытия, не могли получить на них ответы, ибо уже были превращены в лагерную пыль, в номер со значением не выше нуля.

Александра Солженицын можно назвать одним из самых экзистенциальных писателей современности. В условиях постоянных гонений он создал ряд произведений, выдвинувших его в последователи Ф. М. Достоевского. Для всех его персонажей «*стены мира резко сдвинулись*» до размера барачных нар, тюремной камеры, до койки в «раковом корпусе», до всего только «Одного дня Ивана Денисовича». Экзистенция стала набирать обороты — речь зашла о правах человека, сохранении людьми человеческого образа, **преодолении огра-**

ничений человеческой личности кем бы то ни было.

Найти и обрести подлинного читателя

Обнаружить суть и смысл бытия отдельного человека — дело сложное, а порой даже зрящее в силу индивидуальной неповторимости личности читателя. Глубокая эгоистическая замкнутость человека не позволяет **чужому** проникнуть в его бытие. В чужое бытие не войдёшь, оно противится вмешательству извне. Но ведь жизнь заключается во взаимодействии живых существ. Прочитанная книга, книга, героям которой читатель сопереживал, не может вернуться в библиотеку безмолвно. Пусть уже не стало пронизательных читателей с их вечным вопросом: «*Что делать?*», но, уверен, ещё сохранились пронизательные библиотекари, и потому, как утверждал В. Дильтей: «*Жизнь и сопереживаемое обладают специфическим отношением элементов к целому. Элементы значимы для целого. Наиболее явно это отношение представлено в воспоминании*».

Разве этого мало для думающего библиотекаря? Отдаться во власть воспоминаний, обратиться к истории, к прошлому — всё это тоже сущности бытования. Библиотека обязана откликнуться на «зов бытия». Библиотекарь лучше многих других сознаёт важность сохранения многомерности человека как читателя, как потребителя культурных ценностей. Библиотека быстрее чем какой-либо другой социальный институт способна отреагировать на происходящие в обществе и с человеком процессы. Вполне по силам ей участвовать и в

экзистенциальном измерении читателя, помочь ему выжить в этом мире, предупредив его об опасности вырождения, душевной депрессии, одиночества, ненужности.

Итак, бытие человека — это его существование. Но на какие же прежде всего сущности мог бы обратить внимание библиотекарь? Журнал «Библиотечное дело» неоднократно отвечал на этот вопрос, в том числе в номере на тему «Что наша жизнь!» Признаюсь, поводом написания данной статьи послужили как раз работы Славы Матлиной, Светланы Езовой, Дмитрия Равинского, Ирины Тихомировой, Марии Черняк и других не менее интересных авторов, с любовью написанные редакторские передовые статьи. Несложный контент-анализ статей этого журнала за последние годы уже поможет составить небольшой тезаурус сущностей бытования.

Какие это могут быть сущности? Конечно, это сама Жизнь со всеми её категориями: длительность, переживания, значение, ценности. Истина, Забота, Логос, Выбор, Смерть, Время, Пространство, Прошлое, Понимание, Смысл жизни, Свобода и многие другие. Каждая из них по-своему просвечена Тревогой, вызванной дефицитом человечности, необходимостью бороться за безопасность следующего поколения.

А что же читатель? Он, конечно, распознаётся только тогда, когда начинает всматриваться в перипетии жизни, в образы героев прочитанных книг (или хотя бы телепередач). Перемещаясь от экранного поля к текстовому, он попадает во власть подлинных переживаний, насыщенных его личными, **онтологическими чувствами**. Переживание этих чувств не сразу трансформируется в подлинный читательский интерес. Ему пока нет дела до понимания своего статуса как читателя: он ещё не переживает потребность в чтении столь же остро, как потребность во сне, в пище и т. д. Ему ещё только предстоит обрести себя в книжности, пережить в ней свою Самость, без которой нет его как читателя **подлинного**.

Одной из важнейших составляющих экзистенции является **понимание** — феномен, практически не исследованный в полной мере философской наукой. Понимания текста, например, — это всегда

творческая акция. Но ведь есть и **непонимание**. Невольно возникает мысль о том, что именно непонимание книги, текста вызвать у читателя растерянность, раздражение, отчуждения от чтения вообще. Какое хрупкое это явление — отношение к чтению!

В недавнем прошлом отношение к чтению в обществе было совершенно другим. Чтение строго контролировалось государством, укладывалось в прокрустово ложе жёсткой идеологии. Государство неусыпно пеклось о массовом чтении, только вот забота эта была какая-то мрачная, наподобие «мрачной заботы» Горация, от которой он не мог из-

бавиться, куда бы ни ехал. Такая забота нам не нужна. Даже относительное равнодушие со стороны государства к вопросам чтения намного лучше, чем линейное управление читательским процессом, порождающим толпы одномерных индивидов.

О подлинности и не подлинности читателя

Выбор в пользу чтения сегодня делается абсолютно свободно: к тому не побуждает ни государство (оно не испытывает особой тревоги по поводу буду-

щего поколения), ни семья (чтение перестало быть семейным делом, да и сам институт серьёзно подорван). Между тем «истинное чтение», «подлинный читатель» — всё это элементы сущности бытия. Как отмечал М. Хайдеггер, «*истину не открывают*», «*в истине живут*».

Раньше мы как читатели были обшей статистической массой. Наша подлинность как «самых читающих в мире» была зыбкой и не очень-то радовала нас самих. Почему-то «самые читающие в мире», убеждённые в своём мировоззрении, не стали спасать свой общественный строй и его идеологию, хотя и:

*Мы открывали Маркса
Каждый том,
Как в доме собственном
Мы открываем ставни.*

По всей вероятности, подлинность прошлого массового читателя не выдержала проверки, она была лишена бытийной (экзистенциальной) основы. Его существование в небольших городах, в сёлах, бралось без учёта переживаемого

им бытия, с его архетипами, этническими напутствиями из далёкого прошлого. У тогдашнего читателя не было и подлинной возможности Выбора чтения, инакомыслие было строго наказуемо. В смутные годы перестройки он просто растворился в обезумевшей от безысходности массе себе подобных. Люди, смысл жизни которых неподлинный, сами бегут от неподлинной свободы.

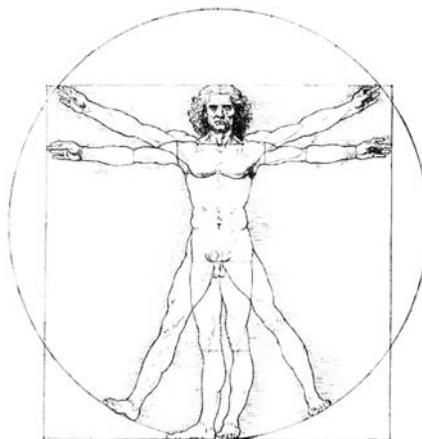
Они её просто боятся.

Левый марш правополушарной мысли

Но вернёмся к разговору о формировании творческого читателя.

В работах И. И. Тихомировой, особенно в её новом пособии «Библиотечная педагогика или воспитание книгой», говорится о смысловом чтении. Увы, сегодня этот вид чтения требуется защищать — от школьных словесников, от формальных учебных программ. Школьные учебники способны дать знания по некоей учебной дисциплине, но не могут научить школьника мыслить: эту функцию выполняют другие книги.

Как известно, человек существо сложное и многомерное: в нём тесно переплетено биологическое, социальное и духовное. Сегодня возникает проблема ... нарушением права ребёнка на правополушарное мышление. Речь идёт о вмешательстве извне в межполушарную асимметрию, о нарушении баланса между принципиально разными способами восприятия и переработки мозгом информации.

Не будем вдаваться в детали, заметим только, что левополушарная стратегия мышления предполагает одномерное, однозначное восприятие текста (в том числе и художественного). Такая однозначность, конечно, очень удобна для формально-логического анализа, для упорядочения, структурирования — и для сдачи ЕГЭ. Правое же полушарие, с его одномоментным схватыванием всех связей, позволяющим организовать интуитивную, эмоционально-экспрессивную, художественную деятельность, ответственно за творческий процесс. Взаимодействие двух полушарий обеспечивает гармоничный баланс: одно полушарие помогает другому. Всё настроено онтологически точно и насильственная разбалансировка, бесцеремонное вмешательство опасны. Попавшее в немилость правое полушарие лишилось возможности декодировать, понимать, толковать, интерпретировать художественные тексты с закодированными в них смыслами. Да и самих текстов, способных формировать эстетические вкусы и идеал становится всё меньше. Такие манипуляции с правополушарным мышлением приводят к нарушению целостности сознания, приводят к формированию одномерных людей, неспособных на критическое мышление, а зна-

чит, неспособных противостоять линейно-командному управлению. И всё происходит всенародно, в духе поэта-трибуна: «Кто там шагает правой?левой!левой!»

Человек — великая тайна и для других, и для самого себя. С этой тайной он рождается, с ней и живёт до конца дней своих, уносит в мир иной «тайну своей души». И пока на «зов Бытия», которое «есть всё то, что есть», ежедневно откликается только верующий человек, вознося молитву «Символ веры». Ежедневно делает он выбор в пользу **этичного** способа существования, заложенного свыше Вседержителем, так и остающимся «видимым же всем и не видимым».

Священное Писание начинается с «Книги Бытия».

С автором можно связаться:
skitnevsky@mail.ru

Кузьмина Т. А. Экзистенциальный опыт и философия / Т. А. Кузьмина. — Вопросы философии. — 2007. — №12. — С. 16–28.

Хайдеггер М. Время и бытие. / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1993.

Словарь философских терминов. — М.: ИНФРА-М. — 2005.

Дильтей В. Категории жизни / В. Дильтей. — Вопросы философии. — 1995. — №10. — С. 129–143.

Руткевич А. М. От Фрейда к Хайдеггеру / А. М. Руткевич. — М.: Политиздат, 1985.

Волков Ю. Г. Поликарпов В. С. Человек. Энциклопедический словарь / — Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. — М.: Гардарики, 2000.

Тихомирова И. И. Библиотечная педагогика или воспитание книгой / И. И. Тихомирова. — СПб.: Профессия, 2011.

Автор размышляет о библиотечной практике в контексте философии экзистенциализма.

Понимание текста, читательский выбор

The author reflects about library practice in the context of the philosophy of existentialism.

Understanding of the text, the reader's choice

ГАЛИНА МАКСИМОВА, *руководитель СОУД, Российская национальная библиотека*

С берегов Волги на берега Невы

27 октября 2010 г. ушёл из жизни Владимир Николаевич Зайцев — Генеральный директор Российской национальной библиотеки, президент Российской библиотечной ассоциации, член-корреспондент Санкт-Петербургской инженерной академии, Международной Академии информатизации, академик Российской академии естественных наук, Академии российской словесности, академик Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы, академии проблем безопасности, обороны правопорядка. Ему исполнился 71 год.

АНАЧИНАЛОСЬ ВСЁ в городе Энгельсе Саратовской области. Этот город, судя по сведениям энциклопедии, до 1931 г. назывался Покровском. К 1938 году то был уже крупный промышленный центр на левом берегу Волги, напротив Саратова. В городе машиностроительный, вагоностроительный, керамический, клеевой, пивоваренный заводы, хлопчатобумажный комбинат, прядильно-ткацкая фабрика, 12 средних школ, 7 библиотек, драматический театр, краеведческий музей, дом физкультуры и спорта.

Именно здесь 8 декабря 1938 года в семье рабочих Антонины Ивановны и Николая Захаровича Зайцевых родился сын Владимир.

В 1946 году он пошёл в первый класс. Учился с интересом, исправно переходил из класса в класс, увлекался чтением, перечитал всю домашнюю библиотеку, записался во все городские библиотеки, прочитав значительную часть хранившихся там книг. Как и все мальчишки, с удовольствием занимался спортом — бокс, футбол, любил плавать, благо Волга рядом, — был пионером, а в 1953 году вступил в комсомол.

Указ о совместном обучении мальчиков и девочек вышел в 1954 году, и 1 сентября 1954 г. в их сугубо до этого мужской школе появились представительницы прекрасного пола. Его одноклассницам Оле Машиной и Тане Кузьменко Владимир запомнился, прежде всего, своим учтивым и галантным отношением к девочкам. В 1956 году Владимир окончил школу и получил аттестат зрелости.

До ухода в армию он работал на различных предприятиях города Энгельса, в том числе и лаборантом в своей родной школе №11.

Армейская служба проходила в Ивановской области. Вернувшись из армии в ноябре 1960 г. Зайцев начал работать на Энгельском комбинате химических волокон.

Год 1961 год — очень значительный и весомый в жизни будущего директора «Публички». В феврале он был принят в ряды КПСС, а летом отправился в Ленинград, успешно сдал экзамены и стал студентом дневного отделения химикотехнологического факультета Ленинградского института текстильной и легкой промышленности им. С. М. Кирова. Тогда же, летом 1961 г., Владимир познакомился с Леной Шатохиной, посту-

павшей на тот же факультет, в сентябре они оказались в одной группе, а через 7 лет, в 1968 году Елена стала его женой.

В институте прошли 15 лет жизни Зайцева — студент, младший научный сотрудник, старший преподаватель, доцент. В 1965 году он стал секретарем комитета комсомола Института.

О студенческой жизни Владимира Зайцева вспоминает его однокашница Алла Алексеевна Короткова (Быстрова): *«1960-е — незабываемые студенческие годы... Владимир становится признанным вожакom студенческой молодежи. Романтика студенческих строительных отрядов, поиски и открытия в студенческом научном обществе и конкурсах студенческих научных работ, памятные вечера отдыха с прекрасной художественной самодеятельностью — во всём этом была частица неутомимой энергии Владимира Николаевича.*

Его душевность, умение дойти до каждого человека, неугасающее чувство нового и настойчивость в осуществлении задуманного всегда притягивали к нему людей».

Именно в эти годы складываются такие основные черты его характера, как поразительная работоспособность, желание досконально разобраться в том или ином явлении, процессе, дисциплине. Он занимался научной работой, выступал с докладами на научно-практических конференциях, публиковал статьи в научных журналах, вел преподавательскую деятельность. Наука, которой он обучал студентов — «сопротивление материалов» («сопромат») и ныне бытует в студенческом фольклоре: *«Сдал сопромат — можешь жениться!»* В ▢

1974 году Зайцев защитил диссертацию на тему «Исследование температурной зависимости ударно-прочностных свойств синтетических нитей» и стал кандидатом технических наук. Это исследование получило высокую оценку специалистов в области физики и механики полимеров.

Одновременно он вёл большую общественную работу — продолжал оставаться секретарем комсомольской организации института, выезжал на целину в Казахстан, командовал районными студенческими строительными отрядами в Ленинградской области, возглавлял Ленинградский Зональный отряд в республике КОМИ. Его общественная деятельность была отмечена знаком «За активную работу в комсомоле», грамотой ЦК ВЛКСМ, медалью «За трудовую доблесть». Чуть позже его избирают секретарем парткома института.

В 1976 году Зайцев становится секретарём Куйбышевского райкома КПСС, а в 1979 — вторым секретарём этого же райкома. Он курировал учреждения науки, культуры, образования и медицины, неоднократно избирался депутатом районного Совета. Тогда же он знакомится с работой Публичной библиотеки, которая находится в Куйбышевском районе (ныне Центральном) города Ленинграда, неоднократно присутствует на партийных собраниях Библиотеки. В 1980 году Зайцев поступает в академию общественных наук при ЦК КПСС (заочное отделение), организует исследование по теме «Социальные проблемы подготовки научных кадров», публикуется в научной печати, в 1983 г. с отличием защищает диплом Академии.

Времена перемен, времена возрождения

1 сентября 1985 г. приказом министерства Культуры РСФСР Зайцев был назначен директором Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Приход Зайцева в Библиотеку был непростым. Его встретили настороженно. Ожидали и хотели видеть директором Библиотеки учёного, признанного специалиста в области гуманитарных наук. Это было время перестройки — расцвета демократии и бурной деятельности советов трудовых коллективов, реализующих право выбора администрации. В Зайцеве видели,

прежде всего «технаря» и «партаппаратчика», далёкого от знания и понимания библиотечного дела.

С первых же дней он с головой погрузился в изучение нового для него дела, знакомился с руководителями отделов и секторов, вникал в проблемы повседневной жизни Библиотеки.

К середине 1980-х годов Библиотека подошла с множеством нерешённых внутренних проблем. Одной из острейших была слабость материально-технической базы. Строительство Нового здания ГПБ, несмотря на принятое в 1973 году решение Правительства СССР и разработанное ЛенНИИпроектом экономическое обоснование ещё не начиналось. Был закрыт для читателей один из крупнейших филиалов Библиотеки по наб. реки Фонтанки, 36. Резервы производственных площадей для размещения фондов были исчерпаны. Остро стоял вопрос технического перевооружения: безотлагательным было внедрение в библиотечные процессы новых автоматизированных технологий, устарели и требовали срочной замены копировально-множительная техника и транспортный парк.

В июле 1986 года Владимиру Николаевичу удалось добиться принятия решения исполкома Ленгорсовета «О развитии материально-технической базы государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина». Уже 28 октября 1986 года на Московском проспекте состоялся митинг с участием заместителя председателя исполкома Ленсовета В. И. Матвиенко (впоследствии заместителя председателя правительства Российской Федерации и губернатора Санкт-Петербурга). В основание нового здания была заложена капсула с обращением к будущим поколениям. Новые читальные залы и фондохранилища должны были стать воплощением надежд читателей и библиотекарей, новым этапом в развитии Публичной библиотеки.

Зайцева знали и уважали в Ленинграде. Вскоре его избрали депутатом Ленинградского городского Совета и председателем постоянной комиссии по культуре Ленсовета. Вот что писал по этому поводу Д. С. Лихачёв: «*Возрождение культуры, создание достойных условий жизни ленинградцам требует большой и активной практической работы, компетентных решений, умелой организации.*»

Работа В. Н. Зайцева на посту директора Публичной библиотеки и в депутатской комиссии по культуре Ленсовета свидетельствует о том, что он обладает необходимыми для этого качествами. Его желание поднять престиж гуманитарных наук, духовных ценностей и нравственности в обществе способствует решению актуальных проблем культуры. Он много делает для восстановления и развития Публичной библиотеки — национальной библиотеки России, других учреждений культуры Ленинграда... Я поддерживаю кандидатуру В. Н. Зайцева, его искреннее стремление к возрождению культуры и надеюсь, что моё мнение разделяют все люди, которым не безразлична судьба нашего великого города» (26 февраля 1990 г.).

Первое десятилетие работы Зайцева в Библиотеке совпало с годами кардинальных изменений в стране. Разрушение политической системы, неустойчивость экономики, резкая инфляция особенно неблагоприятно сказывались на работе бюджетных организаций. Многие учреждения культуры, науки, образования переживали тяжёлые времена — закрывались, сокращали свою деятельность, теряли ведущих специалистов. Публичная библиотека выстояла, сохранила свои кадры, продолжала развиваться, перестраивая свою работу, строила Новое здание.

В 1998 году был открыт первый читальный зал в Новом здании. В этом важнейшем мероприятии приняли участие сотрудники Библиотеки во главе с её директором, тогдашний губернатор Санкт-Петербурга В. А. Яковлев, ответственность города.

Официальное открытие Нового здания Российской национальной библиотеки на Московском проспекте, д. 165, состоялось 12 апреля 20 03 г. в присутствии Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. В своём выступлении на торжественном акте В. В. Путин сказал: «Сегодняшнее событие важно не только для Санкт-Петербурга, но и для всей России. Национальная библиотека, которая была создана по повелению Екатерины Великой — это уникальное учреждение, которое, по существу, является “вторым университетом” для многих поколений российской интеллигенции».

Счастлирое совмещение

За последние два с половиной десятилетия в библиотечной жизни России и в Российской национальной библиотеке произошли поистине революционные перемены. И в этом, без преувеличения, огромная заслуга Владимира Николаевича. Говоря словами историка и писателя, бывшего сотрудника Публичной библиотеки Д. Альшица (Д. Аля)... Зайцев оказался «нужным человеком на нужном месте» (Санкт-Петербургские ведомости, 1998, 10 декабря). Можно добавить: «И в нужное время».

У него было множество титулов, званий и обязанностей: с 1999 г. по 2002 г. он был членом Совета по культуре при Президенте Российской Федерации, чуть позже — членом научно-экспертного Совета при Председателе Совета Федерации РФ, член общественного Совета Санкт-Петербурга, член коллегии Министерства культуры РФ.

Деятельность Владимира Николаевича была отмечена правительственными наградами: «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд», «В память 30 0-летия Санкт-Петербурга», «Медаль А. С. Пушкина», орден «За заслуги перед Отечеством», зарубежные — «Кавалерский крест Ордена за заслуги Республики

Польша», кавалер «Ордена Почетного легиона» Франции.

Среди его научных наград — серебряная медаль П. Л. Капицы Российской академии естественных наук, серебряная медаль Международной академии наук о природе и обществе, медаль Академии российской словесности «Ревнителю просвещения».

Владимиру Николаевичу были свойственны высокая внутренняя культура, фундаментальные разносторонние знания, увлечённость делом, которому он служил, потрясающая работоспособность. Как правило, он засиживался в своём кабинете на Садовой улице до глубокой ночи, благо жил на Итальянской в десяти минутах ходьбы от библиотеки. Как-то летней ночью он вышел из Библиотеки, как обычно, во втором часу ночи, а домой явился около 5 часов утра. Оказывается, этой ночью демонтировали скульптуры Клодта с Аничкова моста, увозили на реставра-

цию. А он, замороженный этим действием, стоял и следил за процессом. Родившись на берегах Волги и, приехав в Ленинград в 1961 году, он всем сердцем полюбил этот город, сроднился с ним, стал его частичкой, ярым болельщиком «Зенита» (как он переживал, когда «Зенит» играл финальный матч кубка УЕФА, посмотрел первый тайм, а потом очередной деловой «воаж» в Москву, на «Стреле», и именно в поезде он узнал, что «Зенит» выиграл этот кубок), хоккейного СКА, баскетбольного «Спартака», завсегдатаем театров и концертных залов. Он был истинным ленинградским интеллигентом.

Вот как отзывался, говорил о нём лет пятнадцать назад Д. А. Гранин: «Мы познакомились случайно, в санатории. Владимир Николаевич был только что назначен директором Публички. Назначение это показалось мне странным. Секретарь райкома на должность, которая требовала и специального образования, и учёности, и вообще... В это “вообще” тоже входило многое. Раньше подобное назначение было бы нормой — “выдвиженец.” Пар-

тия посылала своих, не считаясь ни с какой спецификой. Однако те времена уже уходили в прошлое и можно было для публичной библиотеки подобрать кандидатуру более, как бы сказать — почётную, известную. Всё же крупнейшее в стране учреждение культуры. Впрочем, Ленинградский Обком никогда не баловал культуру уважением. Такие, примерно, мысли у меня были. Хотя, признаюсь, впечатление Владимир Николаевич произвёл приятное. Он располагал к себе и мягкостью, и приветливостью, и если можно так выразиться, — уютностью.

Понадобилось время, чтобы я преодолел своё настороженное отношение к нему, как к партийному “ставленнику”; “комиссару”. Мне говорили, что партия устраивает “своих”, приводили примеры... <...> Однако постепенно оказывалось, что он не инородное тело в огромном, сложном организме ГПБ, капризный организм этот не отторгал его как нечто чуждое. И это было удивительно. Со своим негромким голосом, полуулыбкой, вдумчивостью и прочими обходительными качествами он всё больше нравился....

Когда Владимир Николаевич предложил мне возглавить Общество друзей ГПБ, я не сумел отказаться. Скорее всего, согласился потому, что в какой-то степени понимал его желание всячески поднять престиж библиотеки, наполнить её жизнью. А ещё потому, ▢

как он деликатно просил, не обещая никаких привилегий и условий для работы Общества.

Отчасти от него самого, а больше от сотрудников до меня доходили рассказы, до чего мучительно давались библиотеке улучшения, новшества.

Я знаю всего лишь внешнюю сторону, изнутри наверняка видится и лучше, и больше. Но и мои сторонние впечатления позволяли ощутить в библиотеке рачительного хозяина, умного и страстного...

Детищем Владимира Николаевича стала новая Публичка на Московском проспекте. Её завершение он буквально пробил, выстрадал, несмотря на безденежье и городских, и российских властей, доказал, заставил, вынудил запустить первые читальные залы. Произошло настоящее чудо, никто не верил, что такое в наше время возможно.

Под застенчивостью, мягкостью его натуры оказалась твёрдость целеустремленного руководителя, умеющего добиваться, убеждать, доказывать.

Он и на самом деле стеснителен, учтив, даже застенчив, это ни в коем случае не маскировка, его ценят за отзывчивость, внимание к людям, и при этом настойчив и упрям. Он знает извилисты коридоров власти, знает, как обращаться с начальством, но знает и то, что главное сокровище библиотеки — её сотрудники, те, что десятилетиями преданно служат не корысти ради, а ради любви к своей, казалось бы, столь

скромной профессии. Я думаю, он многому у них научился.

Мне кажется, именно такой характер. Именно такие качества самые нужные и ценные для Публичной библиотеки.

Произошло счастливое совпадение. Человек добрый, внимательный к людям — это талант, сегодня достаточно редкий и куда более дорогой, чем наличие учёных званий и степеней» (1998 год).

Трудно поверить в то, что его нет рядом с нами, потому что Библиотека, и всё, что связано с ней и библиотечном делом, культурой в самом широком понимании этого слова, стало смыслом его жизни. Владимир Николаевич не был библиотекарем по образованию, но стал им по призванию. Он был необыкновенным человеком, отзывчивым другом и чутким товарищем. Он поддерживал и вдохновлял друзей и коллег, всегда шёл в ногу со временем и строил смелые планы на будущее.

Безвременная кончина Владимира Николаевича болью отозвалась во многих сердцах, в адрес Российской национальной библиотеки, его семьи поступило более 10 00 писем и телеграмм от библиотек, государственных деятелей, различных организаций и учреждений, зарубежных коллег и друзей, разделяющих горе утраты. Среди них: В. В. Путин, С. М. Миронов, Б. В. Грызлов, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Северо-Западном Федеральном округе И. И. Клебанов, Министр культуры Российской Федерации А. А. Авдеев, Губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвеевко, Президентская библиотека, Российская Государственная библиотека, Королевская библиотека Швеции, Публичная библиотека Нью-Йорка, все национальные библиотеки РФ, стран СНГ и много, много других.

Закончить хотелось бы ответами Владимира Николаевича на вопросы корреспондента журнала «Библиотека» в 1998 году. Вопросов было 17, вот ответы на три из них:

«— Как изменились Вы с тех пор, как стали директором «Публички»? Какие перемены Вы заметили в себе, руководителе и человеке?»

— Трудный вопрос. Оценивать самого себя... Но быть директором Публички, я считаю, это очень почётная, но и от-

ветственная обязанность. Когда находишься в окружении такого огромного круга, массива, объёма мудрости, — хочется и самому стать мудрее...

— Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети, внуки работали в библиотеке?

— Да, конечно, но в силу того, что я являюсь директором, это уже серьёзное препятствие для того, чтобы мои дети пришли работать в библиотеку. Хотя существует преемственность, традиция, когда дети повторяют дело своих родителей, бытует и другая точка зрения, что развитие семейных, родственных отношений в учреждениях наносит ущерб. Моя дочь уже выбрала иную стезю своей деятельности (учится на экономиста). Но я не исключаю, что мой сын, которому исполнилось 10 лет, может быть, в будущем, изберёт в качестве своей деятельности работу в библиотеке». (В настоящее время Наталья Владимировна Колясова (Зайцева) возглавляет Централизованную библиотечную систему Московского района Санкт-Петербурга, Андрей Владимирович Зайцев руководит подразделением в Президентской библиотеке.)

— А жалели ли Вы когда-нибудь, что однажды судьба сделала такой крутой поворот в Вашей жизни и Вы стали директором Публичной библиотеки?

— НИКОГДА.

Статья посвящена годовщине со дня смерти Владимира Николаевича Зайцева, Генерального директора Российской национальной библиотеки.

Владимир Зайцев, Российская национальная библиотека

Article is devoted to the anniversary of the death of Vladimir Zaitsev, the director of National Library of Russia.

Vladimir Zaitsev, National Library of Russia

Отвечая на вызовы времени

Личная ответственность каждого

ШИРОКАЯ ИЗВЕСТНОСТЬ ЦБС Липецка вызвана тем, что это учреждение как нельзя точнее отвечает концепции, разработанной в 20 04 г. директором Викторией Викторовной Якимович: «Наиболее полно удовлетворять запросы населения».

Виктория Викторовна Якимович начала свою профессиональную деятельность в качестве библиотекаря детской библиотеки города Смоленска. Переехав вместе с мужем-военнослужащим, сыном и дочерью в Липецк, она в 20 00 году поступила на работу в Центральную городскую детскую библиотеку. Работая ведущим библиотекарем в читальном зале для старшеклассников, она создала литературно-творческое объединение «Юный патриот», в занятиях которого активно участвовали мальчишки и девочки. Здесь проходили встречи с ветеранами и молодыми военнослужащими, уроки мужества, литературно-музыкальные композиции, диспуты. Одновременно она первой в области разработала программу по воспитанию информационной культуры пользователей: «Гимназия Информёнок» (для учащихся 1-4-х классов) и «Академия Информины» (для старшеклассников).

В 2002 году В. В. Якимович была переведена в Центральную городскую библиотеку и до 20 04 года работала в отделе информационных технологий — сначала главным библиотекарем, затем заведующей. В августе 20 04 года назначена на должность директора муниципального учреждения «Централизованная библиотечная система».

Первыми её шагами на директорском поприще стала работа над создани-

ем стратегии развития городских библиотек. Документы, на основе которых работали библиотеки, не отвечали современным нормам, не предусматривали многих сторон деятельности. В. В. Якимович взяла на себя задачу разработать новый пакет нормативных документов. Были разработаны новые правила пользования публичными библиотеками ЦБС, в которых чётко определены права читателя, взаимоотношения «библиотекарь-читатель». Чтобы иметь ориентиры, стратегию развития, Виктория Викторовна разработала «Концепцию развития публичных библиотек г. Липецка на 2004–2007 годы», а позже и Программу. Основой для её разработки послужило исследование состояния городских библиотек, их инновационной деятельности, анализа развития ресурсов, как материальных, так и интеллектуальных. В программе нашло отражение тенденция профилирования библиотек, как способ приобрести собственное лицо. Особое внимание уделялось процессам информатизации библиотек.

Одним из направлений была подготовка сотрудников к принципиально новому характеру работы. Учёба, ежедневные беседы, встречи за круглым столом, проводимые ежегодно с 20 07 года. Липецкие библиотечные чтения с приглашением лучших библиотечных специалистов и коллег из России и ближнего зарубежья были нацелены на то, чтобы каждый осознал свою личную ответственность за конкретный участок работы и нашёл своё место в общем «оркестре». Темы Липецких чтений — «Библиотеки и городское сообщество: стратегия продвижения чтения», «Читающая семья — читающая нация», «Краеведе-

В 2011 году Централизованной библиотечной системе города Липецка исполнилось 45 лет. К этой дате мы подготовили книгу «Липецкая ЦБС: история в лицах». В ней мы рассказываем о людях, заслуживших особое внимание коллектива, о тех, для кого ЦБС стала жизнью, судьбой. Нынешний её директор Виктория Викторовна Якимович — одна из них.

Галина Семёновна Гурьева, заведующая Центральной городской детской библиотекой имени М. М. Пришвина МУ «ЦБС» г. Липецка, заслуженный работник культуры РФ

ние как основа духовного развития общества», «Библиотечная инноватика как ресурс социокультурного развития города», «Информационные ресурсы муниципальных библиотек как потенциал развития города» — отвечали велению времени. За пять лет ведущие специалисты системы побывали на библиотечных форумах, семинарах и курсах в Москве и Санкт-Петербурге, Пскове, Ульяновске, Вологде, Томске, Тюмени, Белгороде, Воронеже, Тамбове, Брянске, Орле, Ростове-на-Дону, Ярославле, а также в Германии, Франции, Норвегии.

В ЦБС было создано 9 библиотечно-информационных центров (БИЦ), в состав каждого вошли детская и взрослая библиотека и совместный зал информационных технологий. Центральная городская детская библиотека сохранила функцию методического центра для детских библиотек и детских отделений, а Центральная городская библиотека — методического центра для всех библиотек системы. БИЦы и библиотеки, выбравшие для себя профильные направления, стали источниками опыта экологического просвещения, патриотического и духовно-нравственного воспитания, краеведения, социальной работы, межнациональной культуры.

Ещё более вырос рейтинг библиотек, когда они включились в проект «Библиотекам — новые имена». Имена знаменитых писателей, краеведов, учёных, путешественников были присвоены: ЦГБ — С. А. Есенина, ЦГДБ — М. М. Пришвина, БИЦ №1 — И. А. Бунина, БИЦ №2 — Е. П. Смургиса, БИЦ №3 — П. И. Бартенева, БИЦ №8 — П. П. Семёнова-Тян-Шанского, военно-исторической библиотеке «Истоки» — М. В. Водопьянова. Все они активизировали деятельность по сохранению и пропаганде творческого наследия гордости Земли Российской. В ЦГБ открыт музей С. А. Есенина, а в БИЦ №2 — музей Е. П. Смургиса. Музеи и музейные экспозиции, специализированные залы и уголки, созданные сотрудниками библиотек, позволили ЦБС приобрести своё лицо.

Нововведением стала реорганизация библиотечного пространства: упразднение читальных залов и абонементов и создание вместо них залов, объединяющих их функции, — залов художественной литературы и отраслевой литературы, а в ЦГБ, кроме того, — залов перио-

дики, актуальной отраслевой литературы, литературы по искусству. В ЦГДБ создан зал комфортного чтения, пришивинский зал, зал библиографической информации, территория информации для родителей и педагогов. Выделены отделы «Детство» и «Подросток».

Изменения произошли и в управленческой структуре. Новое качество приобрёл методико-библиографический отдел, созданы новые службы, должности и рабочие места: отделы развития и профессиональных коммуникаций, информационных технологий, маркетинга, центральная информационная служба, отдел кадров. В штате ЦГБ появились должности юриста и учёного секретаря.

Очень немногие библиотеки страны смогли так эффективно освоить новые информационные технологии, как это сумела добиться Виктория Викторовна. Осуществив в 2005–2006 гг. полную компьютеризацию публичных библиотек, она использовала технический прогресс для создания информационных продуктов, форматов и стандартов.

Положительный имидж библиотек постоянно поддерживается местной и центральной профессиональной прессой. Редкая неделя проходит в ЦБС без какой-нибудь увлекательной акции. Многие из них приносят не только моральное удовлетворение, но и финансовую прибыль.

Вместе с пользователями библиотек, общественностью и городскими властями под непосредственным руководством В. В. Якимович за 5 лет публичным библиотекам удалось реализовать около 80 социально значимых проектов по продвижению книг и чтения, по внедрению новых информационных технологий. Среди них, патриотические, экологические, по здоровому образу жизни, рекламные, издательские.

В ЦБС решена проблема, над которой бьются многие коллеги: налаживание системы обратной связи. Каждый посетитель публичной библиотеки может ознакомиться с идеально оформленным отчётом о деятельности библиотеки за год. Оставить свои предложения по улучшению работы библиотеки в книге отзывов. В публичных библиотеках Липецка чувствуют себя вполне уютно.

Библиотеки, которыми руководит В. В. Якимович (всего их 27), расположены в разных концах города. Специали-

стов со специальным образованием мало. Часто приходится брать на работу тех, кто просто изъявляет желание стать библиотекарем, а потом уже заниматься его профессиональной подготовкой и воспитанием. Успеху в этом нелёгком деле способствуют трудолюбие, терпеливость, целеустремлённость, милосердие — характерные черты Виктории Викторовны.

Как-то прочитала, что в хорошем руководителе-женщине должны гармонично сочетаться «эрудиция Аспазии, красота Афродиты, выносливость Геракла и финансовый гений Генри Форда». Все эти качества В. В. Якимович показала сполна. Делая из ничего нечто, она вытащила библиотеки Липецка на авансцену культурной жизни.

Сама Виктория Викторовна считает, что это только начало. Сейчас ведётся поиск дополнительных источников финансирования, которые помогут развернуть задуманные проекты. Уверена, они осуществляются. Ведь являясь депутатом Липецкого городского Совета депутатов, руководителем секции образования и культуры Общественной палаты города Липецка, членом постоянного Комитета секции публичных библиотек Российской библиотечной ассоциации, Виктория Якимович сумеет убедить власти в том, что библиотеки являются силой, которая может содействовать развитию гражданского общества не только в отдельном городе, но и в России.

Виктория Викторовна — победитель городского конкурса «Липчанка года». В 2006 г. за большую плодотворную работу ЦБС была награждена почётным знаком «За заслуги перед городом Липецком», а директор ЦБС — Почётной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ и Российского профсоюза работников культуры.

С автором можно связаться:
lip_cgdb@mail.ru

Рассказ о директоре ЦБС города Липецка Виктории Викторовне Якимович.

Профессия библиотекаря, библиотечные кадры

The story is about the director of the Lipetsk Central Library reference system of Victoria Yakimovich.

Profession librarians, library staff

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО»

Фирсов Владимир Руфинович, заместитель генерального директора Российской национальной библиотеки,
доктор педагогических наук, председатель редакционной коллегии

Басов Сергей Александрович, заведующий научно-методическим отделом библиотекосведения Российской национальной библиотеки,
кандидат педагогических наук, заместитель председателя редакционной коллегии

Торзукалова Галина Феофановна, заведующая кафедрой гуманитарной информации Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств, доктор педагогических наук, профессор

Тосина Людмила Игоревна, ведущий научный сотрудник Библиотеки по естественным наукам Российской академии наук,
доктор филологических наук

Добрюзина Светлана Александровна, директор Федерального центра консервации библиотечных фондов Российской национальной
библиотеки, доктор технических наук

Жабко Елена Дмитриевна, заместитель генерального директора по информационным ресурсам Президентской библиотеки
им. Б. Н. Ельцина, доктор педагогических наук

Лелюкова Наталья Константиновна, заведующая отделом библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки,
доктор исторических наук

Лихоманов Антон Владимирович, генеральный директор Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук

Михеева Галина Васильевна, ведущий научный сотрудник отдела истории библиотечного дела Российской национальной
библиотеки, доктор педагогических наук

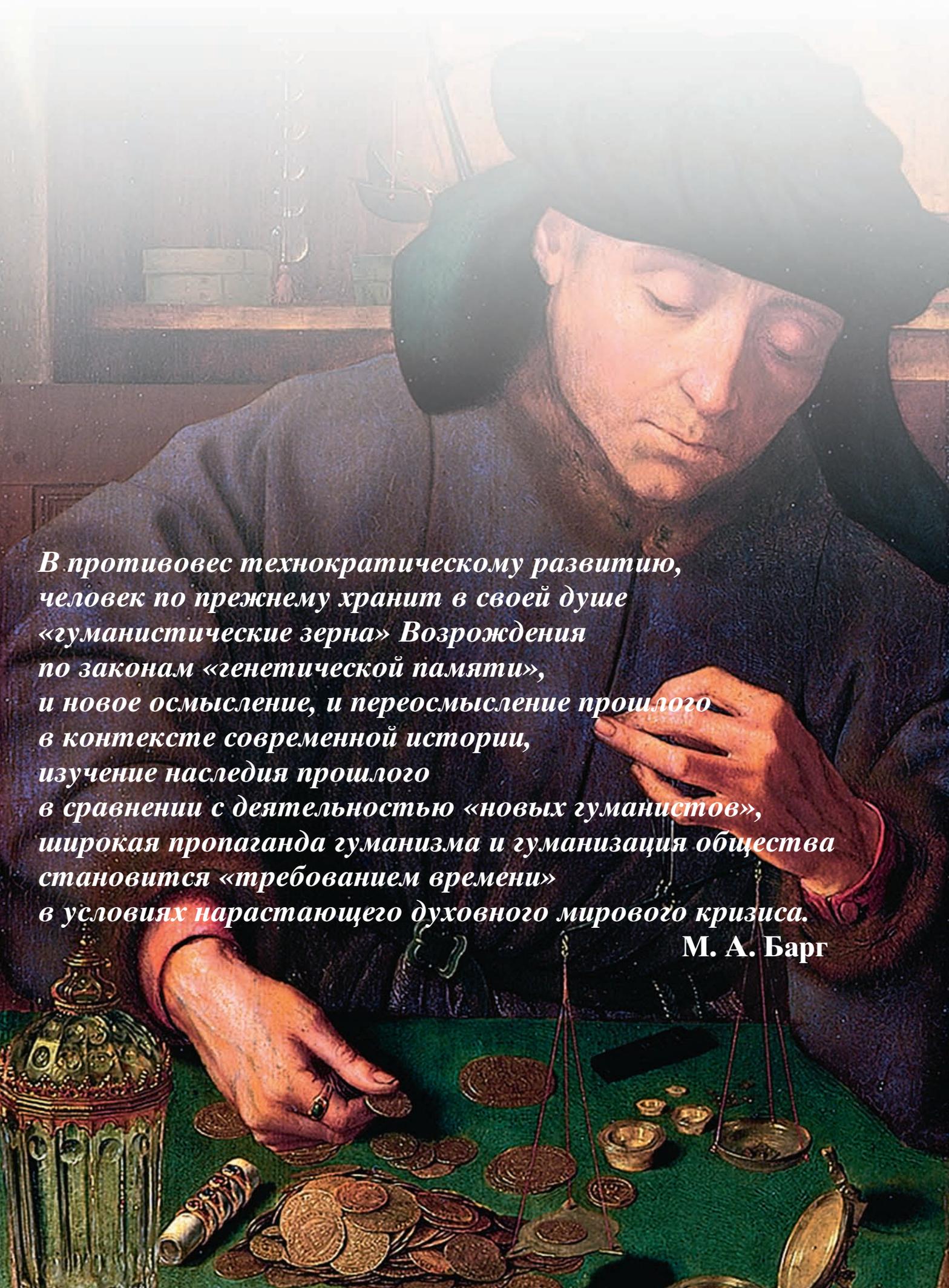
Николаев Николай Викторович, заведующий отделом редких книг Российской национальной библиотеки,
доктор филологических наук

Соколов Аркадий Васильевич, доктор педагогических наук, профессор

Соколова Наталья Викторовна, директор Института корпоративных библиотечных информационных систем,
кандидат технических наук

Черняк Мария Александровна, профессор кафедры новейшей русской литературы Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук

В противовес технократическому развитию, человек по-прежнему хранит в своей душе «гуманистические зерна» Возрождения по законам «генетической памяти», и новое осмысление, и переосмысление прошлого в контексте современной истории, изучение наследия прошлого в сравнении с деятельностью «новых гуманистов», широкая пропаганда гуманизма и гуманизация общества становится «требованием времени» в условиях нарастающего духовного мирового кризиса.

М. А. Барг